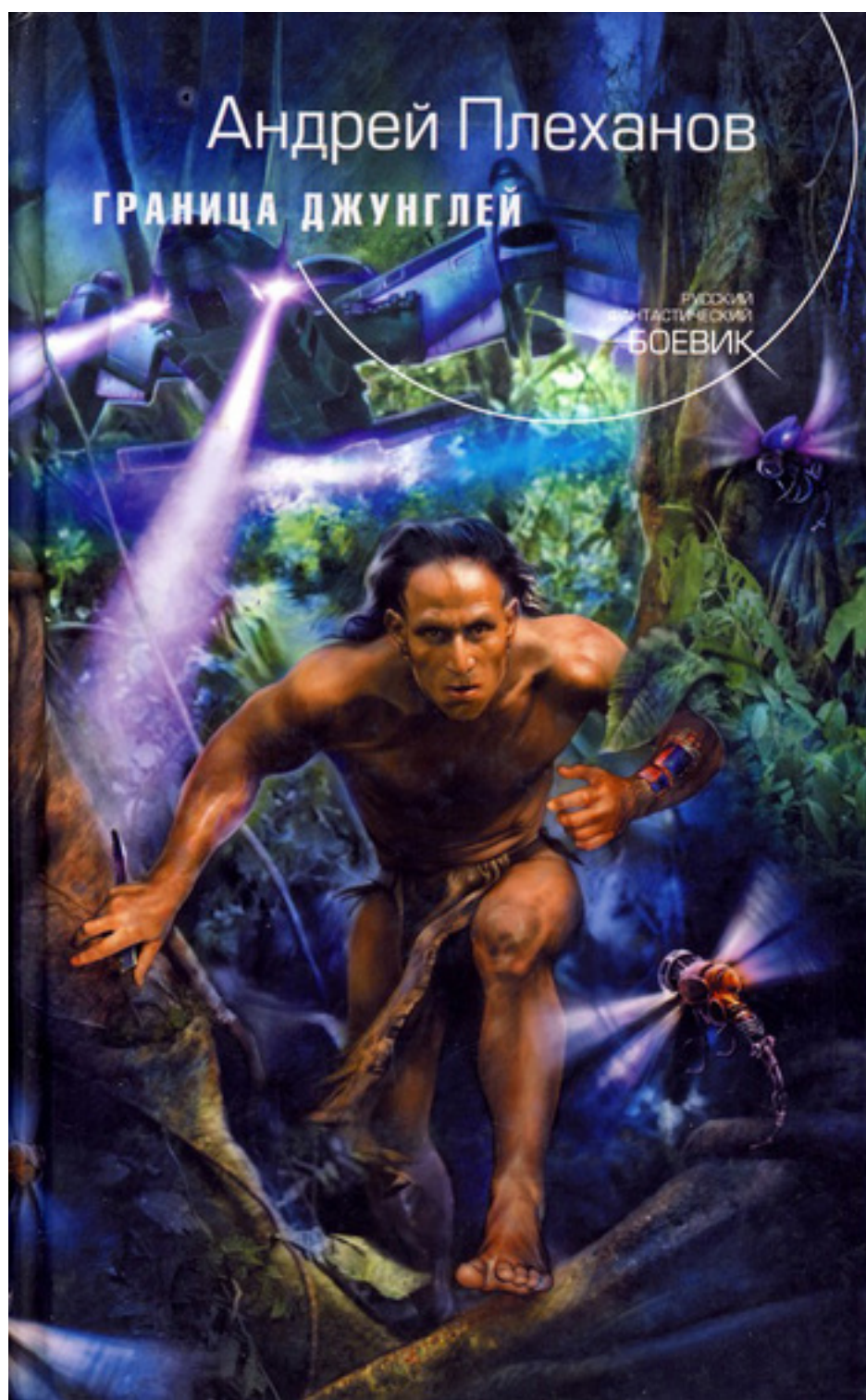

Андрей Плеханов

ГРАНИЦА ДЖУНГЛЕЙ

РУССКИЙ
ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

Андрей Плеханов
Граница джунглей

«Автор»

2005

Плеханов А. В.

Граница джунглей / А. В. Плеханов — «Автор», 2005

Человечество понемногу обживает Солнечную систему и окрестные галактики. На Земле царит Кодекс, согласно которому скрывающихся от властей опасных преступников уничтожают профессиональные убийцы и блюстители закона – элиминаторы. Однако Земной Кодекс не действует на спутниках Юпитера, и ничто не сдерживает местных хозяев жизни, делающих бизнес на крови и страданиях людей. Крупная ганимедская телекомпания организует реалити-шоу «Битва деградантов», и аборигены, вывезенные с одной из планет, вынуждены убивать друг друга в прямом эфире на глазах у миллиардов телезрителей. Бывший элиминатор Выдра, прибыв на Ганимед отдохнуть, еще не подозревает о том, что скоро попадет в ад экстремального телешоу. Чтобы сохранить жизнь, ему придется вспомнить не только навыки по выживанию в джунглях, но и древние культы индейских предков.

© Плеханов А. В., 2005

© Автор, 2005

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	24
Глава 4	32
Глава 5	42
Глава 6	50
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Андрей Плеханов

Граница джунглей

Автор выражает сердечную благодарность:

Дмитрию Гришанину – за соавторство идеи романа.

Кириллу Бенедиктову – за помощь в подготовке материала.

Валерию Барабанову – за огневую поддержку.

Обществу «Аутага Ута» – за открытую и полезную информацию.

Сергею Лифанову – за всё.

Глава 1

Сработала автоматика, черные кругляши излучателей искусственного сна беззвучно отошли от висков Выдры, единственного пассажира каюты 343-d.

Выдра зевнул, потер пальцами веки. Нажал на рычажок и спинка кресла поднялась, перевела его в сидячее положение. Выдра потянулся, хрустнул суставами, поглядел на часы. До прибытия большого пассажирского скипера на Ганимед оставалось сорок минут.

Неплохо, совсем неплохо. Выдра выспался на славу. Путь от Земли до Ганимеда занимал восемнадцать часов, и большинство пассажиров проводили это время в увеселениях – тех их разновидностях, что мог предоставить межпланетный корабль. Отдыхающий народ оттягивался на всю катушку в ожидании прибытия на курорт Эль-Параисо. А Выдра продрых всю дорогу, предпочел сеанс искусственного сна – восстановил силы, впервые за много недель не увидел во сне кошмаров. Ну и, конечно, избежал общества полупьяных, просто пьяных и пьянущих в стельку представителей человеческого рода. Удовольствие, скажем прямо, ниже среднего.

Выдре уже приходилось летать на Ганимед – несколько из его заданий выпали именно на Эль-Параисо, и он до сих пор с отвращением вспоминал толпу нажравшихся ирландцев, подравшихся со стадом не менее бухих финнов... Стенка на стенку, бутылками по дубовым головам, дубовыми стульями по спинам, бестолковые удары по багровым рожам, кровавая юшка ручьями. Бр-р... Можно не сомневаться, что сегодня в центральном ресторане корабля произошла столь же масштабная, не менее идиотская потасовка. Традиция, что ж поделать...

Участниками драк в транспортнике, идущем на Ганимед, всегда были европейцы. Били друг дружку с удовольствием, смачно, готовились к сему событию задолго до рейса, тренировались в кулачном бою, зная, что ни один вид оружия пронести с собой на корабль невозможно. Шведы против итальянцев, голландцы против бельгийцев, украинцы купно с русскими против итальянцев и испанцев. Американцев и цветных снисходительно не трогали – мол, если не хотите участвовать в разборках настоящих мужиков, отойдите и не мешайте. Это могло показаться странным: приличные люди, европейцы, носители старой культуры, обеспеченные и благополучные. И вот на тебе – стоило им дорваться до транспортного на Ганимед, и звериные инстинкты пробуждались во всей первозданной жестокости.

В этом не было ничего странного. В отличие от Земли, на всех других планетах, в том числе и на Ганимеде, не действовал закон элиминации. За мордобой вне Земли можно было схлопотать несколько месяцев тюрьмы, но участники потасовок в транспортных традиционно отделывались денежным штрафом. Внутриресторанные сражения являли собой стабильную статью дохода корпорации «Солар Тревел», чьей собственностью были все корабли, перевозящие туристов на Ганимед и обратно.

Выдра не был европейцем, он родился и прожил большую часть своей жизни в Боливии. К тому же он терпеть не мог бессмысленных, немотивированных кровопусканий. И поэтому провел время в пути на Ганимед самым оптимальным способом – выпался без кошмаров.

Тем искусственный сон и хорош: он давит подсознательные тревоги и навязывает сладкие видения. Отличное средство для расслабления.

Выдра опустил босые ноги на пол, поднялся с кресла. Тут же в воздухе нарисовалась голографическая фигура служанки, зачирикала медовым голоском: «С пробуждением, господин пассажир! Не желает ли господин посмотреть грандиозное телешоу «Битва дегрантов»? Не угодно ли господину попробовать фирменный коктейль «Слезы Ганимеда?» Выдра раздраженно махнул рукой, соорудил зверскую физиономию. Рывкнуть не успел – служанка исчезла с панической поспешностью.

Выдра знал, что представляют собой «Слезы Ганимеда». Водка, лимонный тоник и толика тринайта – слабого наркотика, запрещенного на Земле и разрешенного на внеземных курортах. К черту такую гадость.

О том, что такое реалити-шоу «Битва дегрантов», Выдра тоже имел представление, хотя и самое приблизительное. Еще на Земле прожужжали рекламой все уши. Боевое шоу с участием каких-то там ряженных дикарей – наверняка кич не лучше американского рестлинга. Выдра не будет смотреть такое, даже если ему заплатят. Он вообще не любит смотреть на драки.

Теперь Выдра имеет право на раздражение и прочие незатейливые эмоции. Да, теперь уже можно, хотя и трудно к этому привыкнуть. Потому что уже третий день Выдра простой человек, а не чертов лесоруб. Так-то вот. То, о чем так долго мечталось, стало явью. Выдра – простой человек, временно безработный, но далеко не бедный. На счету его лежит здоровенная куча бабок, и он летит на Ганимед, чтобы как следует оттянуться и забыть о чертовой работе лесоруба. Забыть навсегда, если получится.

* * *

Почему Выдра выбрал именно Ганимед, именно Эль-Параисо? С какой стати разорился на столь значительную сумму, вместо того, чтобы, к примеру, скромно поселиться в пятизвездочной гостинице на Багамах?

Потому что ему до смерти хотелось попасть в какое-нибудь место, где можно не думать об элиминации.

Трудно даже представить, что еще полсотни лет назад мало кто из обитателей Земли знал что-то о Ганимеди – крупнейшем естественном спутнике Солнечной системы, огромной каменюке, вращающейся вокруг Юпитера. Размером Ганимед немал, больше Меркурия, но почти лишен атмосферы, да и солнечного света туда попадает немного. Зато на Ганимеди полным-полно льда, вполне пригодного для превращения в воду. Это послужило главной причиной того, что концерн «Солар Тревел» пятьдесят лет назад заложил на Ганимеди сразу три города, накрытых куполами. Подобная идея уже провалилась раньше – мало кто захотел лететь на развлекательный комплекс на Луне, затраты себя не окупили, и фирмы разорились. Возможно, это было связано с тем, что межпланетная транспортировка в те годы была несовершенна и слишком затратна; также вероятно, что большинство обеспеченных людей не считали Луну настоящей экзотикой, достаточно дальним космосом. Какой смысл тратить огромные деньги для того, чтобы попасть на естественный спутник Земли, который можно увидеть ночью из собственного окна.

Но главной причиной, по которой Ганимед сумел привлечь к себе сотни тысяч туристов, стало то, что на нем, впервые во внеземном пространстве, отменили элиминацию. В дальнейшем элиминацию запретили во всех местах обитания человека, кроме Земли и Луны. И это было вполне логично: там, где проживают не миллиарды и миллионы, а всего лишь сотни

тысяч, людскими жизнями разбрасываться не приходится. Куда выгоднее не убивать преступника первой степени, а дать ему пожизненное заключение и заставить до конца дней своих трудиться на рудниках.

Рудников на Ганимеде было с избытком – сотни шахт под малыми куполами денно и ночно выгрызали из недр планеты полезные ископаемые. А также на Ганимеде были электростанции, сельскохозяйственные и рыбные фермы, заводы и фабрики по производству всего, что может понадобиться прихотливым туристам. Как же без этого? Ни одному безумцу не придет в голову везти с Земли на другие планеты металлы и органику, пищу и воду. Это безумно дорого, это не окупится никогда.

Импорт рабочей силы – вот что действительно выгодно. Стать жителем большинства внеземных колоний легче легкого – только свяжись с представителем фирмы и подпиши контракт. Тебе дадут отличный аванс, внушительные подъемные и впечатляющие гарантии на рабочее место. И все это не будет блефом ни в малейшей степени – законы на Земле строги и за соблюдением их следят неукоснительно. Но все же, все же...

Если ты покинул Землю, помни о том, что все может оказаться другим – странным, непривычным. Сикось-накось и шиворот навыворот. Потому что элиминация, как бы ни протестовали против нее отдельные правозащитники, держит человеческое стадо в рамках приличия. Выдра, как бывший лесоруб, знал это лучше кого-либо.

Бывший элиминатор – так точнее. Уже три дня как бывший.

Так сложилось, что элиминаторы называли себя лесорубами. В их циничном самоназвании присутствовала немалая доля истины. В самом деле, они прореживали чащу, вырубая больные деревья. Элиминировали, уничтожали тех представителей человеческой популяции, на чье перевоспитание надеяться не приходилось.

Термин «элиминация» пришел, как ни странно, не из юридической, а из биологической науки. В теории естественного отбора он означает гибель отдельных особей или целых групп организмов в результате различных естественных причин. И президент Хьюго Тернер, один из создателей Земного Кодекса, биолог по образованию, не раз упоминал об этом в своих речах. «Господь в неизмеримой благости своей создал естественный отбор, – говорил Тернер, – создал его, чтобы умирали те, кто не заслужил жизни. Люди нашли способ избежать естественного отбора, нарушили божественные заповеди природы, они не боятся ничего и потому погрязли в пороках. Самый закоренелый преступник знает, что может прибегнуть к помощи дорогих адвокатов и остаться безнаказанным. Так пусть же элиминация станет высшим законом и приведет нас к утраченному равновесию. Пусть всякий убийца, террорист и насильник, любой преступник первой степени и рецидивист второй степени знает, что возмездие придет неминуемо! И никакие адвокатские уловки не помогут избежать справедливости! *Dura lex, sed lex*»¹.

Выдра выучил наизусть речь президента Тернера еще в школе. Это было тридцать лет назад, и уже тогда практика элиминации насчитывала более четырех десятилетий. Стало быть, к теперешнему моменту Земля жила под законом элиминации свыше семидесяти лет. И жила вполне успешно. Страх смерти – не самое приятное из чувств, но он делает свое дело. Он заставляет задуматься о последствиях.

Боливийский мальчишка Томас Уанапаку мечтал стать элиминатором с самого детства. Он знал, что мечта его почти неосуществима, что легче верблюду пролезть в игольное ушко, чем низкорослому индейскому заморышу стать членом касты охраняющих закон убийц. И все-таки он стал лесорубом. Выдра помнил свою безудержную радость, когда он, двадцатидвухлетний сержант, прошел первый отборочный тест и был зачислен в группу претендентов. Помнил свою гордость, когда получил сертификат элиминатора, с честью выдержав четыре года адского обучения. И, само собой, не мог забыть того, что случилось семь лет назад – операцию

¹ Закон суров, но таков закон (лат.).

по устранению Нуньеса Рохо в Кочабамбе, стоившую ему здоровенной дыры в ноге и едва не отправившую в могилу. Затем – первые робкие сомнения, скоро перешедшие в сомнения тяжкие. Еще позже – понимание, что все в этом дерьмовом мире устроено неправильно. Ссора и разрыв с Амарантой, недопустимые проявления чувств, провал операции в Хуачакалье, закончившийся жуткой бойней. И в последние пять лет – полное бесчувствие, отсутствие каких-либо мыслей по какому-либо поводу, рефлексy бездушного механизма. Именно за эти пять лет он стал лесорубом высшей категории, элиминируя приговоренных к смерти настолько быстро и точно, насколько это вообще было возможно. Начальство простило ему прежние оплошности, снова полюбило его от всего сердца, в последний год замучило Выдру предложениями о продлении контракта, но Выдра не поддался. Он просто ушел. Ушел на пенсию. Он имел на это полное право.

К черту все на свете. Он едет отдыхать. Он уже прилетел.

* * *

Выдра втягивал воздух ноздрями и едва заметно морщился. Народ вокруг Выдры ошутимо пованивал. Выдра обладал тонким обонянием, и смешанный аромат кислого пота, алкогольного перегара, аптечных дермов, плебейского крема для бритья и полувыветрившихся бабьих духов не доставлял ему особого удовольствия. Толпа пассажиров двигалась вперед через тесный коридор, тесня друг друга плечами и животами. Немалая часть особей мужского пола выглядела основательно побитыми – синяки, царапины и пластыри украшали их мятые физиономии. Отдельную группу из двух десятков особо отличившихся в побоище вели впереди от основной толпы туристов два массивных охранника с шокерами. Преступники шли бодро, размахивали руками, обсуждая веселые подробности недавней махаловки, и не делали ни малейшей попытки сбежать или хотя бы оказать сопротивление. Их счетам предстояло основательно похудеть в ближайшие несколько часов, но удовольствие, судя по всему, того стоило.

В отличие от космопортов Земли, где все было напичкано техникой под завязку, где каждого прибывшего пассажира заботливо опекали до самого выхода, в Эль-Параисо все было нарочито примитивно. Туристы платили немалые деньги за то, чтобы оказаться в незатейливой обстановке, хлебнуть адреналинчика в космическом аналоге дикого запада, не обремененным излишком приличий, и владельцы курорта предоставляли им эту возможность сполна, с первых минут.

Толпа новоприбывших продралась-таки через коридор и вывалилась в зал регистрации. Народ ринулся к трем пропускным пунктам, отчаянно чертыхаясь и наступая друг другу на ноги. Выдра неожиданно для себя поддался общему стервозному настроению, оттеснил плечом рыжего здоровяка, едва не повалив его на пол, ужом протиснулся сквозь плотную стаю длинноногих блондинок, одинаковых, как клонированные овцы, обошел на бегу пятерых потных скандинавов и пришел к финишу одним из первых. Оказался в голове очереди – от неприветливой регистраторши в синем кителе его отделяло человек десять, не больше. Что, безусловно, следовало считать огромной удачей, потому что полицейские уже приступили к усмирению и упорядочению туристического стада, выстраивая его в три отдельных колонны при помощи резиновых дубин (назвать «дубинками» эти гипертрофированные орудия язык как-то не поворачивался).

Шум сзади доносился основательный – сочные звуки ударов, мат-перемат на всех языках мира, женские визги, рык похмельных мужчин и сиротливые рыдания деток, пока еще не осознавших факта, что на месте долгожданного небесного рая вдруг оказалось преддверие ада, свинство, дискомфорт, вопиющее попрание привычных человеческих прав и свобод. Выдра не оборачивался, смотрел вперед, буравя глазами складчатую спину негритянки, облаченной в чересчур обтягивающее для полуторacentнеровой дамочки платье. Выдра неодобрительно

относился к показухе. Пожалуй, он с удовольствием прошелся бы дубинкой по головам и хребтам половины из присутствующих в этом зале – они того заслуживали. Просто для профилактики, для новообретения вкуса к жизни, для вышибания извечной головной боли обывателей: как бы еще потратить деньги. Но в отличие от ганимедских копов он сделал бы это по-настоящему, без киношной фальши...

Нет, нет, с него довольно. Психологи утверждают, что стереотип мышления элиминатора – ноша пожизненная, что от этой обузы не избавиться до самой смерти, потому-то бывшие лесорубы и живут недолго – либо сходят с ума, либо стремительно и неуклонно спиваются. Но Выдра знал и другую цифру: тридцать семь процентов. Да, господа, тридцать семь процентов надежды – именно такая часть бывших элиминаторов быстро адаптируется к нормальной жизни. Выдра рассчитывал, что попадет именно в эту квоту, отмеренную суровыми небесами.

Через пять минут Выдра добрался до окошка регистрации и протянул документ злой офицерше паспортного контроля. В этом также присутствовал явный анахронизм: нигде в мире, кроме курортов Ганимеда, не требовали настоящий паспорт – примитивную бумажную книжицу с визами на страницах. Везде обходились пластиковой картой идентификации.

Тетка уткнулась в паспорт Выдры, потом подняла глаза.

– Как зовут? – рявкнула она.

– Кого зовут? Меня? – переспросил Выдра.

– Да, вас!

– Там все написано. В паспорте.

– Там написано «Выдра», – заявила тетка, недоуменно хлопая глазами.

– Так оно и есть.

– Это что – фамилия?

– Все что угодно. И имя, и фамилия.

– Так вас зовут Выдра?

– Именно так, – Выдра холодно кивнул. – Насколько мне известно, людям по имени Выдра не воспрещен въезд на вашу планету.

– Цель приезда?

– Отдых, – коротко бросил Выдра.

Короткий шлепок печати, в паспорте появилась фиолетовая отметка.

– Проходите, не задерживайтесь! – рявкнула тетка.

Выдра усмехнулся, взял паспорт и пошел к ленте багажного транспортера. На удивление быстро обнаружил свой чемодан и потащил его к выходу. Тележки непрезентабельного вида стояли рядом у стены, но Выдра не воспользовался услугой. Небольшая тренировка мускулов не помешает. Хотя он уже и не лесоруб, но расслабляться не стоит, нужно держать себя в форме.

Выдра... Да, в паспорт вписано именно такое имя. Настоящее индейское имя, кстати. Короткое, удобное и соответствующее сути. Зверек небольшой по размеру, компактный, но оттого ничуть не менее хищный. К тому же быстрый, живучий и себе на уме. Не какой-нибудь неуклюжий лохматый медведь, не ленивый раскормленный лев или гиеноподобный пожиратель падали. Выдра – самое то.

Еще пять минут ушло на таможенный досмотр и вскоре Выдра уже стоял на привокзальной площади, обозревал обстановку. В четвертый раз в своей жизни он находился в инопланетном городе, и снова не переставал удивляться, насколько все здесь непривычно. Купол, накрывающий Эль-Параисо, не виден, сияние тысяч уличных фонарей скрывает его от взора. Купол непрозрачен, состоит из двух слоев базальтовой ткани, натянутой между ячейками металлического каркаса на полуторакилометровой высоте. Между слоями ткани – местный грунт, измельченный и уплотненный. Конечно, «купол» – название условное, скорее это плоский надувной матрас: всего полтора километра в высоту и шестьдесят в диаметре. Сооружение

кажется хрупким, однако способно выдержать удары мелких метеоритов и надежно удерживает в себе воздух и тепло. Большой камень, прилетевший из космоса, может проделать в нем дыру... Что ж, на этот случай существуют десятки ремонтных бригад, хорошо знающих свое дело. За сорок семь лет существования Эль-Параисо не произошло ни одного ЧП, дотягивающего до ранга хотя бы третьесортной катастрофы. Безопасность туристов гарантирована.

На площади перед космопортом высится тридцатиметровая статуя – каменный человек приземлился на пьедестал в невероятной позе, застыл на правой ноге, левая нога полусогнута, руки раскинуты в стороны, опущены ладонями вниз. Человек самозабвенно пляшет джигу – ирландскую чечетку. Это Рори О'Нейл, главный архитектор Эль-Параисо. Он соорудил памятник самому себе – прижизненно. Почему бы и нет? По сведениям Выдры, танцевать джигу О'Нейл на самом деле не умеет, но вот мастерства создавать причудливые объекты, противоречащие закону тяготения, у него не отнять. Противоречащие, впрочем, закону *земного* тяготения. На Ганимеде все весит много меньше, чем на Земле, землетрясений здесь не случается, внутри купола нет ветров и атмосферных осадков, нет зимы – царит вечное лето. На Ганимеде можно строить такое, что на старушке Земле рухнет сразу же. Площадь в Эль-Параисо ограничена и баснословно дорога, а вот кубатуры – хоть отбавляй. И поэтому дома тянутся вверх на сотни метров, а то и на полкилометра. Строения причудливых, фантастических форм, с террасами, бассейнами, садами не то что висячими, а вовсе летающими. Небоскребы соединены между собой прозрачными туннелями, канатными дорогами и воздушными мостами. Жизнь бурлит на всех этажах Эль-Параисо, во всех его горизонтальных слоях. Люди просаживают денежки, заработанные трудами тяжелыми и нетяжелыми.

Многовато здесь людей, конечно... Выдра вздохнул, представив себе старенькое бревенчатое бунгало на берегу Тихого океана. Полосатый шезлонг, зонтик над головой, бутылка красной Риохи в деревянном ящичке у ног. Волны, накатывающие на берег, черные силуэты пальм на фоне багрового закатного неба, крики морских птиц... Тишина и одиночество... Черта с два! Не верил Выдра, что на Земле оставят его в покое – особенно сейчас, в первые месяцы после ухода в отставку. Неминуемо найдется какое-нибудь сверхважное дело, требующее неопременного его участия. «Приносим извинения, сеньор Уанапаку, но по личной просьбе президента мы вынуждены привлечь вас к элиминации Луиса Веги, преступника первой степени, скрывающегося в сельве, предположительно в районе Пуэрто Алегре. Имеющиеся в нашем распоряжении элиминаторы, к сожалению, не в состоянии справиться с данной операцией. Для вас же, опытного агента, эта работа не составит особого труда. Оплата, как обычно, в двойном исчислении, начиная с этого часа...»

Выдра тряхнул головой, отгоняя наваждение. Он поступил правильно, удрав на Ганимед. Он пробудет здесь три месяца, а за это время, глядишь, боссы лесорубов привыкнут к мысли о потере и научатся обходиться без его услуг. Довольно с него элиминации и всего, что с ней связано. Выдра выложил четверть миллиона кредитов за билеты и трехмесячную визу и собирается потратить еще как минимум полмиллиона на отдых. Потому что он богатый человек. Всю жизнь он зарабатывал немалые деньги и не имел возможности как следует их потратить. Незаметность, предписанная лесорубам, вещь полезная, но утомительная. Это достает.

Выдра вовсе не собирался выпендриваться, цеплять на себя яркие тряпки и бросаться в казино, дабы просадить там десяток-другой тысяч. Неприязательность въелась в его натуру за годы специфической работы, и двухкомнатный полулюкс, заказанный им в отеле «Гран Перро», был достаточно скромным. Выдру интересовало другое: изысканная кухня, толика отличного вина, возможность наконец-то посмотреть сотни кинофильмов и прочитать десятки книг, не просмотренных и не прочитанных в прежней, лесорубьей жизни. И непременно – спорт, в самых экстремальных его разновидностях. Эль-Параисо предоставлял для этого широчайшие возможности. Если тело тренировано, быстро и гибко, если душа не ведает страха, то стоит дать насладиться им – душе и телу – подходящими развлечениями. Не все им, бедолагам,

гробить себя в нудном преследовании преступников. Нужно попробовать прыжки в аэродинамической трубе, гонки в невесомости, скалолазание в космосе, и конечно, подводное регби, и само собой, слалом на горах, покрытых метановым снегом. Все, все нужно попробовать. Также желательно найти для этих целей подходящую инструкторшу – симпатичную, неглупую, опытную не только в спорте, но и в постельных делах. Проблем с этим не должно возникнуть – с его-то, Выдры, деньгами и способностями. Пришло время отдыха! Отдыха настоящего, можно сказать, более чем полноценного!

Вот о чем думал Выдра, стоя на площади перед космопортом. Между тем народ, только что прибывший в Эль-Параисо, возбужденными толпами вываливался из дверей, бодро хватал такси и разъезжался по своим отелям.

Само собой, ни о каких топливных двигателях на Ганимеде речи не было – выхлопы угрожали бы атмосфере внутри купола в считанные часы. Юркие трехколесные электромобильчики вмещали не больше трех пассажиров, двигались со скоростью не выше шестидесяти километров в час, но в Эль-Параисо большего и не требовалось.

Выдра махнул рукой и электрорикша, спешащий мимо него, немедленно тормознул, причалил к бордюру. Откинул крышку своего микробоида, высунул лысую голову, прищурил и без того узкие азиатские глазки и сказал:

– Куда едем, омбре²?

– Отель «Гран Перро». Знаешь такой?

– «Большая Собака»? – китаец тонко хихикнул. – Кто его не знает? Все знают. Хоросый отель, узасно хоросый. Лозысь, омбре, в мою таську, и за десять минут будесь на месте.

«Лозысь» означало «ложись». Положение, которое занимали в электромобилях водитель и пассажиры, нельзя было назвать полностью лежащим – скорее, полусидячим. Выдра аккуратно положил чемодан на заднее сиденье, перекинул ногу через неестественно тонкий пластиковый борт и плюхнулся рядом с таксистом. Китаец опустил крышу и двинулся вперед, маневрируя между бесчисленными электромобилями. Ощущения – как от гонок консервных банок на колесах.

Через десять минут Выдра вошел в вестибюль гостиницы. А еще через полчаса сидел в кресле своего номера, вытянув босые ноги и положив их на подставку, обитую плюшем. Горел огонь в камине (точнее, в его голографической имитации), тихо играла музыка, на столике высилась стопка книг, заранее заказанных Выдрой по каталогу. В руке Выдра держал бокал с Риохой – настоящей, темно-бордовой, испанской. Он привез шесть бутылок вина с собой – увы, больше не позволяли таможенные правила.

С каждой минутой жизнь становилась все прекраснее.

² Hombre – человек, мужчина (исп.).

Глава 2

Выдра с трудом оторвал чугунную голову от подушки. Встал с постели и, пошатываясь, добрался до ванной. С отвращением оглядел свое изображение в зеркале – кожа бледна как у покойника, темные окружья под глазами, длинные черные волосы сваялись в неопрятные космы, нос исцарапан, на левой скуле багровый кровоподтек. И запах... Разит как из старой пивной бочки. Тьфу!

Вчера Выдра несколько перебрал. Если точнее – упился в хлам. Вот тебе и благие намерения, вот тебе здоровый образ жизни. Дорвался бывший лесоруб до свободы, сто чертей ему в селезенку. Подрался, естественно... Ладно хоть не оставил на поле сражения пару свежих трупов. Выдру вовремя утащила эта, как ее... В общем, эта японка – Эмико. Утащила к себе в постель. А теперь Выдра даже не помнит, насколько она была хороша и была ли хороша вообще. То, что сам он не был хорош, сомнению не подлежит. Все, что произошло ночью, провалилось в небытие.

Выдра в очередной раз рыгнул перегаром и удрученно покачал головой. Позорище! Ладно, ладно. Сегодня он отлежится, отдышится, а завтра непременно посетит бюро по экстремальным видам спорта. Или послезавтра... В общем, в самое ближайшее время.

Начался вчерашний вечер вполне благополучно. Выдра влез в сеть, долго разбирался в информации о ресторанах Эль-Параисо – насколько амбициозной, настолько же, вероятно, и лживой; с негодованием отверг кухню китайскую, корейскую, французскую, немецкую, итальянскую и мексиканскую – сколько можно! Остановился, в конце концов, на кухне эфиопской – реклама обещала истинную, непревзойденную экзотику, уникальный, сваренный по особому рецепту кофе, национальную музыку и уютную интимную атмосферу.

Экзотика и в самом деле оказалась хоть куда – таких обшарпанных и закопченных заведений, как ресторанчик «Ид-аль-Адаха», Выдра не видел даже в глухой боливийской провинции. Посетители сидели на низких табуретах, чуть ли не на земляном полу, и кормили друг друга яствами, по виду напоминавшими позавчерашние пищевые отбросы. Именно так – кормили друг друга. Ни вилок, ни ложек не наблюдалось, ели руками, и кусок полагалось отправлять в рот не себе, а соседу. Узрев сие безобразие, брезгливый Выдра сделал попытку немедленно сбежать, но был пленен редкостной красоты темнокожей девушкой. Девушка, увешанная огромным количеством цветных бус и едва прикрытая куском полосатой льняной ткани, схватила Выдру за руку, прижалась к нему, обдав запахом сандала, и сказала, что ее зовут Адва, что она накормит господина сама, что она сделает все-все, чтобы ему понравилось, и поэтому ему обязательно очень-очень понравится. Выдра вздохнул и сдался.

Они сели за приземистый столик друг против друга – голые ноги Адвы прижались при этом к ногам Выдры, доставив ему приятные ощущения. Меню не принесли: девушка заявила, что господин – ее лучший гость, и она сама закажет то, что подойдет ему лучше всего, и накормит его так вкусно, что он всегда будет кушать только в ресторане «Ид-аль-Адаха». На жестяном блюде притащили серую ноздреватую лепешку диаметром в полметра, эфиоп в феске вывалил на нее куски жареной баранины и овощи, залил густым соусом и удалился.

– Хлеб называется инжерра, – прошептала Адва, – он сделан из травы. А соус называется бербери, его надо запивать тэджем, чтобы не так жгло. Попробуйте тэдж, господин.

Она налила из кувшина в стакан мутную молочно-янтарную жидкость и протянула Выдре. Выдра сделал глоток. Тэдж оказался медовухой – довольно крепкой и не слишком тонкого вкуса. Впрочем, выбирать не приходилось – не успел Выдра опомниться, как Адва оторвала от края хлеба изрядный кусок, смешала рукой соус и мясо, завернула все это в лепешку на манер кулька и впихнула в его несчастный рот. Выдра сделал пару жевательных движений и припал к спасительному напитку, стараясь пропихнуть жгучее месиво в глотку. На глазах его

выступили слезы – он привык к острой латиноамериканской кухне, но этот «бербери», казалось, был сделан не из перца, а из раскаленного пламени. Все в ресторане дружно вытаращились на Выдру – очевидно, надеясь, что он упадет на пол и заберется в конвульсиях, а может, даже и умрет. Выдра не упал и не умер – набулькал и осушил залпом второй стакан тэджа, пару раз кашлянул, натужно улыбнулся и помахал зрителям рукой. Зрители захлопали в ладоши и радостно загалдели.

Рефлексы выстрелили в мышцы Выдры, он с трудом удержался, чтобы не вскочить на ноги и сбежать из дурацкого заведения. Все это было не просто неправильно, но опасно. Элиминатор не должен вести себя так безрассудно, нельзя есть такую пищу... в конце концов, его могут просто отравить, кто их знает, этих диких эфиопов. Но в следующее мгновение хмельная медовуха ударила в голову, теплыми струями разбежалась по жилам и заставила тело расслабиться. Горячие колени девушки сжали ногу Выдры, тонкие ее пальцы накрыли его узловатую руку.

– Ведь это очень-очень вкусно, да, господин? – спросила она.

– Да, неплохо, – Выдра кивнул головой.

Дудки. Он больше не элиминатор, вот так! Он волен делать все, что ему захочется, попадать в любые идиотские приключения и не задумываться ни о репутации, ни о безопасности. Именно это он и будет делать. Таков его путь к тому, чтобы стать нормальным человеком.

– Адва, давай я буду есть сам, – предложил Выдра. – Самому мне как-то привычнее.

– Нет, нет! – девушка замотала головой и десятки тонких ее косичек разлетелись в стороны. – В первый раз совсем нельзя – это же гуршия, старый обычай. Вот когда вы придете обедать завтра, во второй раз, тогда я дам вам только первый кусочек, а дальше можете кушать сами. Но лучше, чтобы я вас кормила, а вы меня. Потому что так угодно богу.

– Какому богу? – спросил Выдра.

– Как какому? – Адва удивленно заморгала. – Господу нашему, Иисусу Христу. Вы из какой страны, господин? Вы японец?

– Нет, я индеец аймара. Я из Боливии.

– А это где такое? На Земле?

– На Земле. В Южной Америке.

– Здорово! – восхитилась девушка. – Вот накоплю денег и тоже побываю на Земле. Никогда там не была. Только говорят, там все страшно тяжелое. Трудно двигаться, трудно дышать.

– Это у вас все слишком легкое, – заявил Выдра. – Шкаф с одеждой можно двумя руками поднять. И кости у вас, ганимедцев, из-за этого хрупкие. Ты пьешь таблетки, Адва?

– Конечно, господин. Без таблеток здесь жить нельзя. Быстро распухнешь и умрешь.

– Много денег тратишь на таблетки?

– Нисколько. Всем гражданам Ганимеда трамитин дают бесплатно. А если кто-то отказывается его принимать и начинает пухнуть, его кладут в клинику, тоже бесплатно. У нас хорошее, доброе правительство. Богатый город.

– А я вот за этот ваш трамитин плачу немалые деньги, – сказал Выдра. – Ну и ладно, удовольствие того стоит. Ты, Адва, представить себе не можешь, как забавно стать вдруг в два с половиной раза легче, чем весил всю свою жизнь. Легкость в теле необыкновенная, только вот желудок барахлит, подташнивает постоянно.

– Это пройдет. Если будете принимать трамитин, пройдет через неделю. У всех землян проходит.

– Будем надеяться...

– А вы смотрите шоу «Битва деградантов», господин? – спросила девушка. – Через два часа будет очередная трансляция, мы здесь все это смотрим.

– Нет, не смотрю.

– Почему? Это же супершоу! Все только о нем и говорят!

– Я не смотрю никакие шоу.

– Очень зря. Там все по-настоящему, там деграданты убивают друг друга. А кто выживет, тот победит.

– Убивают? – Выдра с недоверием покачал головой. – Быть такого не может. Они что, не люди?

– Нет, конечно. Они деграданты.

– Роботы?

– Нет, они совсем как люди – мощные такие, огромные, красивые, волосы у них длинные.

И дерутся здорово.

– Значит, все-таки люди?

– Да нет же! Деграданты они!

– Понятно, – резюмировал Выдра. – Ну их к чертям, этих твоих деградантов. Налей-ка мне еще этого вашего бэджа.

– Тэджа, господин.

– Ну да. Налей.

Выдра тянул еще стаканчик медовухи и съел из рук девушки Адвы два больших куса инжерры с бараниной. Потом принесли тыбс – нарезанные плеточками кусочки мяса, жареные с зеленым перцем. Половина порции зажгла в желудке Выдры такой адский огонь, что пришлось залить его чуть ли не полукувшином тэджа. Музыканты в углу начали наяривать музыку на однострунных скрипках, по виду сделанных из коробок для обуви. Эфиопы и эфиопки повскакивали из-за столов и пустились в корявый танец, подпевая себе на гортанном языке, люди с белой кожей лениво хлопали им в такт и тяжело отрывались. Выдра с трудом привел в порядок мысли, замутненные алкоголем, и понял, что с него достаточно. Он встал, едва не повалив стол, отодвинул рукой официанта, только что притащившего очередное блюдо – заведомо несъедобный кусок сырой телятины, и прошествовал к стойке бара. После десятиминутных препирательств, сопровождавшихся размахиванием рук, криками, угрозами и рыданиями Адвы, ему удалось заплатить по счету и покинуть заведение. Сумма, по мнению Выдры, превышала истинную стоимость обеда раз в двадцать, но он не стал спорить. Сам виноват – никто не тянул его сюда.

Дальше, по логике поведения лесоруба, Выдра должен был вернуться в свой отель, принять пилюлю для улучшения пищеварения и завалиться спать. Но голова его потеряла контроль над ногами, а ноги понесли в поисках дальнейших приключений. Через полчаса Томас обнаружил, что находится в прокуренном помещении, имитирующем салун из американского вестерна. Он стоял у бильярдного стола и таращился, наблюдая, как две крашенные под блондинок японки безуспешно пытаются уложить хотя бы один шар в лузу.

– Эй, эй, подружки, – неожиданно для самого себя произнес Выдра. – Да я смотрю, вы играть ни черта не можете! Научить вас, цыпочки?

Подружки-цыпочки дружно повернулись к Выдре, в глазах их сверкнул интерес.

– Пойдет, омбре, – произнесла одна из них нежнейшим соловьиным голосом. – Меня зовут Эмико. Играем с тобой матч из трех партий, по пятьсот кредитов за партию. Бабки вперед – наличкой. «Восьмерка», по спортивным правилам. Разбив идет со всей кухни. Если шар улетает за борт – двойной фол, два раза бьем с руки. И выпивка – за твой счет. Пойдет?

Вот так ультимативно все это прозвучало. Выдра несколько оторопел, но не испугался, конечно. Ему ли, настоящему мужчине, бояться японских блондинок? К тому же, что это за деньги – пятьсот кредитов? Мелочь, в сущности.

– Пойдет, Эмико, – сказал он. – А ты умеешь играть? Пока я этого не увидел.

– Сейчас увидишь. – Японка махнула рукой, подзывая маркёра. – Как тебя зовут, омбре?

– Выдра.

– Забавная кликуха. Ты какие шары предпочитаешь – земные или ганимедские?

– Земные, – почти уверенно ответил Выдра.

Он понятия не имел, что такое ганимедские шары, а спрашивать было неудобно – в конце концов, он не новичок в пуле. Ерунда все это. Сейчас он разделает цыпочку под орех, уложит все шары с двух выходов – он умеет это делать. Потом напоит обеих цыпочек чем-нибудь покрепче. А после этого утащит их с собой развлекаться. Во-первых, ему всегда нравились японки. А во-вторых, сейчас ему можно все – в том числе и подданных симпатичных девиц. Никто не настучит на него за это и не поставит жирный минус в личное досье.

Маркёр тем временем установил на столе пирамиду из шаров, поставил биток на точку. Выдра взял из стойки кий, покатав его по столу, проверяя прямизну, оценил форму накладки. Все выглядело идеально. Можно было приступать к разбиву.

Он не стал выпендриваться, разбивать пирамиду сзади ударом от борта. Выбрал самый простой вариант – чуть косой в лоб, прицелился и стукнул.

Он никак не ожидал того, что случилось. Стандартный удар разнес пирамиду вдребезги, взорвал ее к чертовой матери. Шары заматались между бортами как молекулы в броуновском движении. Одновременно четыре шара зайцами прыгнули за борт и с грохотом поскакали по полу.

Обе японки радостно захохотали, словно Выдра оправдал их самые радужные ожидания. Десять зрителей, зачем-то появившихся вокруг стола, также загоготали громко и неприятно. Выдра смущенно побагровел и побрел подбирать с пола шары-беглецы. Он уж и не помнил, когда с ним в последний раз случался такой дурацкий конфуз. Разве что в детстве.

– Двойной фол, омбре, – объявила Эмико. – Мы с тобой договаривались.

– Без проблем, – отозвался Выдра, выставляя шары вдоль бортов.

Девушка реализовала свой фол на все сто процентов. Точнее, на пятьсот, потому что забила с одного выхода пять шаров. Она не спешила – готовила каждый удар долго, с выцелом, совещалась со своей подружкой. Выдра терпел – ждал, когда подойдет его время выйти и разобраться с ситуацией, стукнуть по битку настолько слабо, насколько это вообще допустимо, оценить инерцию шара, понять, в чем подвох. Ожидание его скрашивала попка Эмико – при каждом ударе девушка низко склонялась к столу и ее короткая, почти иллюзорная юбочка натягивалась и поднималась, открывая для обозрения нижние части упругих ягодичек. Зрители, празднично обступившие стол, получали от зрелища удовольствие не меньшее, чем сам Выдра, и это раздражало его. В конце концов именно он платил за выпивку и за весьма вероятный проигрыш, а эти бездельники получили шоу на дармовщинку.

Выдра уже решил было, что партия слита, но Эмико, слава небесам, смазала удар и отошла от стола. Молча кивнула: бей, мол, омбре. Ситуация дрянная, но не безнадежная: японке осталось забить два шара, а ему, Выдре – семь. На Земле, в кабачке «Лос Амигос», в котором Выдра играл каждую пятницу по двенадцать партий, у девчонки не было бы ни малейших шансов. Но здесь, на Ганимеди, что-то было не так. И Выдре предстояло выяснить – что.

Он нацелил кий в правый бортовой шар, сделал три коротких вдоха для концентрации... Шар самый простой, не положить такой в лузу – невозможно. Автоматически скосил глаза влево – ага, биток уйдет сюда, дальше выход на полосатую девятку. И ударил. Точнее, не ударил даже – едва коснулся белого шара. Гравитация... Здесь она ослабленная, нужно это учесть.

Шар лег в угловую лузу точно, иначе и быть не могло – по всем законам геометрии. Но вот чертов биток жизнерадостно взвился в воздух, подскочив на десять сантиметров, описал дугу, перемахнул через борт и приземлился на пол.

– Двойной фол! – дружно крикнули зрители, число которых к этому времени перевалило за пятнадцать.

– О'кей, без проблем, – сказал Выдра, сжимая кулаки и с трудом преодолевая желание сломать кий о чью-нибудь голову. – Ваш ход, леди Эмико.

Что за чертовщина? Такое впечатление, что они играют не полновесными бильярдными шарами, а шариками для пинг-понга. Почему они так скачут?

Японская блондинка хорошо знала свое дело. Шары у нее были теми же самыми, но управлялась она с ними куда ловчее. Пять минут – и партия закончилась. Черный лег в заказанную лузу, зеваки в очередной раз радостно завопили, Эмико щелкнула пальцами и сказала:

– Неплохо для новичка, омбре. С тебя пятьсот кредитов. Закажи нам две «Маргариты»³ и продолжим.

– Я не новичок, – глухо произнес Выдра. – Я начал играть в пул лет за пять до того, как ты появилась на свет, детка. И еще вот что: ты знаешь этих уродов, которые стоят здесь толпой, курят и орут прямо в мои нежные, привыкшие к тишине уши?

– Предположим, знаю, – сказала Эмико, уперев руку в бок, выставив вперед бедро и сощурился глаза.

– То есть, они твои знакомые, да?

– То есть да, знакомые. Ты имеешь что-то против?

– Имею. Скажи им, чтобы перестали по-скотски гоготать и отвалили отсюда. Я честно плачу за игру и не хочу, чтобы за мои деньги мне по-лошадиному ржали в уши.

– Скажи им это сам.

– Ты не против?

– Не против. Половина из них – ужравшиеся европейцы, а вторая половина – тупые американцы. Я знаю их давно, и не менее давно они достали меня. Если сумеешь справиться – убери их отсюда.

– Если уберу, объяснишь мне, в чем дело? Почему эти шарики прыгают как обезьяны в джунглях?

– Объясню в любом случае. Ты на Ганимеде, дорогуша. И шары весят тут намного меньше. Только новички и профессионалы высшего класса играют здесь с шарами земного веса. Нормальные люди играют в шары с утяжеленной свинцовой серединой. Это и есть ганимедский пул. В нем, пожалуй, ты имел бы шанс в игре со мной. Но ты выбрал земной вариант, Выдра.

– Почему ты мне сразу не сказала?

– Ты не спрашивал. А я слишком скромная девушка, чтобы навязывать свое мнение.

– Да уж, видели мы таких скромных...

– Давай без хамства, Выдра. Если собрался разгонять этих придурков – действуй.

– Ладно, сейчас вернусь.

Выдра вперевалочку пересек зал и подошел к охраннику – двухметровому мулату в синей форме. Достал из кармана бумажник и демонстративно помахал им над головой.

– Кто здесь выписывает лицензии на драки? – спросил он.

– Я выписываю, – флегматично сказал мулат. – Желаете почесать кулаки, омбре?

– Увидим. Может, и обойдется.

– Для тебя лучше будет, если обойдется. – Мулат с некоторым пренебрежением окинул взглядом малогабаритную фигуру Выдры. – За твои деньги тебе же начистят физиономию. Мне кажется, это не самый лучший вид развлечений, дружище.

– Это мое дело. Давай лицензию.

– На сколько человек?

– На пятерых. Вон на этого блондинчика, того жирного, и на этих троих гринго⁴ тоже. – Выдра повернулся к толпе зевак и открыто показал пальцем на своих потенциальных спарринг-партнеров. Зеваки отреагировали стандартно – в очередной раз заржали.

³ «Маргарита» – коктейль из текилы, ликера и сока.

⁴ Гринго – пренебрежительное название белых людей в Латинской Америке.

– Пятьсот кредитов.

– Отлично, пойдет.

Выдра достал из портмоне кредитную карту и вручил ее охраннику. Мулат пожал плечами – мол, как знаешь, я предупреждал тебя, замухрышка, сходил к стойке бара, произвел необходимые манипуляции, вернулся и принес Выдре пластиковый прямоугольник.

– Лицензия одноразовая, действует три часа и только в этом заведении, – сказал он. – Я прикинул ситуацию и сделал тебе ксиву без ограничения количества участников. Можешь лупить здесь всех мужиков, кроме меня и бармена, конечно. И бабенок бить нельзя – за это угодишь в каталажку. Доволен, омбре? Ты классно вложил бабки.

– Не то слово, – буркнул Выдра.

На Земле такого не было. А вот на Ганимеде – пожалуйста: покупай лицензию и приступай к рукоприкладству. Выдра, как бывший служитель закона, относился к этому неодобрительно. Меркантильность, господствующая на Ганимеде, вызывала у него некоторую брезгливость... впрочем, в этом случае она играла ему на руку. Бить сильно он никого не собирался – так, пара тумачков при необходимости, если кто-то обнаглеет сверх всяких пределов. Но лучше бы на самом деле обошлось без этого.

– Я готов, Эмико, – сообщил он, подойдя к бильярдному столу. – И еще: дальше будем играть ганимедскими шарами. Ты не против?

– А, зассал, вождь! – тут же заорал рыжий толстяк в расстегнутой гавайской рубашке – один из тех, на кого Выдра показывал пальцем. – Эмико, не соглашайся. Вздрючь его по полной программе!

– Отвали, Джордж, – Эмико нервно дернула плечом.

– Точно, – Выдра повернулся к толстому, сжал кулаки, насупил брови, изобразив на лице угрозу. – Ты слышал, что тебе сказала леди? Топай отсюда.

– Сам топай. Где хочу, там и стою.

– Значит, так, – заявил Выдра. – Похоже, что доброго, вежливого обращения вы не понимаете. Вы видели – я взял лицензию на неограниченный мордобой. И предупреждаю: еще одно грубое слово со стороны кого-либо из вас, и у ваших стоматологов появится куча работы. Ваши зубы будут собирать с пола пылесосом.

– Ты маленький корявый соплеглод, – тут же брякнул толстяк, с удовольствием выговаривая каждое слово. – Твои кулачки меньше, чем мои яйца. Ты мог бы подраться с курицей, да. В этом случае я поставил бы на тебя, малыш. Поставил бы пять кредитов против десяти, да.

Все вокруг дружно захохотали. Все, кроме японки Эмико. Она озадаченно покачала головой и взяла в руки кий.

– Не кипятись, Выдра, – сказала она. – Я уже поверила, что ты настоящий мужик. Плюнь на этих идиотов, давай играть. Я согласна на ганимедские шары. Условия те же. Не думай, что это будет намного легче.

– Нет уж, нет уж! – завопил один из американцев. – Пусть он врежет Джорджу, пусть! Пусть покажет, какой он крутой!

– Ладно... – Выдра хмыкнул, пожал плечами. – Покажу, если вы так просите.

Он думал только об одном: не повредить мебель, на сломать кий или, хуже того, бильярдный стол. Он и так потратил сегодня слишком много денег. Креды в Эль-Параисо слетают со счета с неопикуемой скоростью. Поэтому драться нужно аккуратно.

За те три шага, пока он двигался к толстому, тот успел принять боксерскую стойку. Выдра ударил боковым хуком справа – размашисто, открыто. Толстяк парировал выпад – медленно, неуклюже, и тут же махнул увесистой лапой, метя Выдре в нос. Открылся при этом полностью – хоть в нокаут его отправляй, хоть на тот свет. Томас не воспользовался возможностью подрихтовать обрюзглую морду, у него был другой план. Он легко ушел от удара, сместился в сторону, изящно вытянул ногу и въехал носком ботинка в пах противника.

Рыжий рухнул наземь тяжело, как застреленный бегемот. Захрипел, скрючился и заелозил по полу, сжимая руками ушибленное мужское достоинство.

– Порядок, – удовлетворенно резюмировал Выдра. – Теперь твои яйца точно стали больше моих кулаков. Кто еще желает получить?

Как ни странно, желающие нашлись сразу же, буквально через несколько секунд. Вероятно, они решили, что массовая атака на маленького латиноса неминуемо принесет успех. Выдра так не считал. Пространство для боевых действий было крайне ограниченным, и он по-прежнему заботился больше о целостности мебели, чем о собственной безопасности, поэтому пропустил весьма чувствительный удар в скулу. Впрочем, этим и ограничилось. Через полминуты еще трое присоединились к толстому, составили ему отличную компанию на полу, а все прочие неожиданно прекратили драться и разбежались врассыпную. Режиссер любого гонконгского боевика остался бы крайне недоволен произошедшим – из-за скоротечности и малой зрелищности баталии. Но Выдру ситуация вполне устроила. Он повернулся к оторопевшей японке и сказал:

– Эмико, лапочка, полагаю, что нам нужно перейти за другой стол. Потому что ходить по этим чучелам меня не устраивает, в то же время мне кажется, что убирать их отсюда в мои обязанности не входит.

Вот такое предложение произнес Томас Уанапаку, и Эмико лишь согласно кивнула головой, не в силах вымолвить ни слова. Вторая японка к этому времени благоразумно ретировалась, исчезла из поля зрения. Выдра галантно предложил ручку Эмико, она подхватила его под локоток, и они – взъерошенные, но непобежденные, – прошествовали по диагонали через весь зал к свободному столу. Охранник-мулат оторвался от телефона, по которому вызывал то ли полицию, то ли скорую помощь, и показал Выдре большой палец: молодец, мол, парень, не такой уж ты и замухрышка. Выдра кивнул головой. Он чувствовал себя на все сто, несмотря на ноющую скулу.

Здорово все-таки не быть лесорубом. Будь Выдра в должности элиминатора – ни за что не позволил бы себе такую потасовку. Даже в Эль-Параисо... и пожалуй, тем более – в Эль-Параисо. Что бы сделал элиминатор Уанапаку в этой ситуации? Да ничего интересного – замял бы конфликт в самом начале, погасил его извинительной шуткой, а через десять минут покинул бы заведение и отправился на поиски более безопасного места.

Но теперь он выступал в новой ипостаси – не привык еще к ней, однако привыкал с каждым днем, с каждым часом. А потому он не только играл с симпатичной Эмико в бильярд, но и усердно употреблял алкоголь, вливая в глотку по одному стакану «Маргариты» в течение каждой партии. Так ему было легче. Ему становилось все лучше и лучше, все радостнее и свободнее. К пятой партии Выдра полностью освоился с ганимедскими шарами, отыгрался у Эмико, три раза поцеловался с ней взасос, основательно потискал ее, (попка у Эмико, прямо скажем, была выдающегося качества) и почувствовал себя на седьмом небе от счастья.

«Умата» – так это состояние называют аймара. Это означает, что человек стал глупым как опоссум, обожравшийся забродивших ягод. Стал совсем тупым, потому что выпил слишком много и решил, что может совершать любые поступки и не обращать внимания ни на что.

Выдра нарезался весьма основательно и утратил контроль за происходящим – впервые за много лет.

Напрасно он расслабился. Он как-то не подумал о том, что лицензию на драку могут купить и его соперники.

Через два часа, когда Выдра окончательно осоловел, начал пошатываться и мазать удары один за другим, к столу подвалило сразу пятеро. Трое из них были теми, кого Выдра отправил валяться под стол, их лица украшали живописные кровоподтеки. Рыжего с ними не было – очевидно, полученная травма не позволяла ему самостоятельно передвигаться на нижних конечностях. Но это не делало ситуацию легче ничуть. Потому что одной из пятерых была Оса.

Выдра открыл рот от изумления, помотал головой, пытаясь справиться с наваждением. Быть такого не может – Оса здесь, в Эль-Параисо, в этом самом клубе... Что она здесь делает? У него уже началась белая горячка?

– Эй ты, беглый шаолиньский монах, – тут же заявил один из обиженных, типичный веснушчатый ирландец, – короче, звони своему травматологу. Пусть готовит для тебя костыли и гипс на все тело. Допрыгался ты, понял?

– Не понял, – пробормотал Выдра. – В чем дело, народ? Вы на меня напали, я вам честно навешал, деньги заплатил за это. Вам что, мало? Еще хотите?

– Мечтаем! – заржали парни.

– Вы еще не поняли, что у вас нет шансов? Извините, ребята, но я должен вам сказать, что вы не умеете драться. А я – умею.

– А мы и не будем об тебя руки пачкать, – объявил ирландец. – Вот она тебе навешает. Она умеет.

И показал большим пальцем за спину. На Осу, разумеется.

Оса стояла, сложив руки на груди. Пятнистый костюм в стиле «милитари», узкая талия, перетянутая армейским ремнем, высокий для индейской женщины рост, крепкие мускулистые ноги. За те шесть лет, что Выдра не видел ее, она ничуть не потеряла красоты. И, судя по происходящему, осталась такой жестокой и бессовестной стервой.

Ну да, почему она должна была перемениться к лучшему? Выдра не мог видеть ее глаз, скрытых черными очками, но догадывался, что выражают они то же, что и всегда – презрительную нелюбовь ко всему окружающему, и особенно к нему, Томасу.

Когда-то он делил с ней ложе. Он был одним из немногих, кто старался понять ее, более того – пытался полюбить ее. Теперь в это верилось с трудом.

Она отплатила за его привязанность полновесным предательством – удивительно, как он остался жив тогда в Хуачакалье. И, похоже, сейчас она пришла, чтобы добить его.

– Эй, омбрес, тут какое-то недоразумение, – Выдра поднял руки, примирительно помахал ими, даже изобразил на лице улыбку. – Она женщина, по местным законам я не могу с ней драться...

– Можешь, Выдра, – ледяным тоном произнесла Оса. – Можешь, дружок. Для этого существует специальная лицензия, и эти ребятки ее купили. Она стоит до черта, но они скинулись и купили ее – для меня. Они сказали, что в это заведение наконец-то пришел достойный меня соперник. Так что никуда тебе не деться, придется немножко поспарринговать.

«Поспарринговать»... Сказала тоже. Выдра имел подготовку по боевым единоборствам – весьма приличную, но не выше стандарта для любого элиминатора. Он никогда не уповал на кулаки, предпочитал в работе холодное или горячее оружие – в зависимости от ситуации. Будь в его руках нож, он убрал бы Осу за полминуты. Но кто здесь позволит драться ножом? Таких лицензий не существует даже на Ганимеде.

По части же единоборства без оружия Осе не было равных. Во всяком случае, Выдра лично не видел человека, которого Оса не смогла бы завалить. Она была фанаткой карате, у-шу, айкидо, джиу-джитсу и всего прочего, что было создано китайцами и японцами для избияния человека. Она тренировалась два раза в день – иступленно, не жалея себя, вкладывала всю свою ярость и неудовлетворенность в совершенствование тела и ускорение реакции. Пожалуй, именно в этом состояла личная трагедия Амаранты Гуарачи – она могла профессионально выступать на лучших аренах, стать чемпионкой если не мира, то Латинской Америки, но ее профессия накладывала жесточайшее табу на какую-либо, самую малейшую публичность.

Профессия лесоруба.

Такой вот жизненный парадокс: не стань Оса элиминатором, вряд ли она достигла бы столь высокого искусства в единоборствах. И, с другой стороны, именно закрытость клана лесорубов

рубов навсегда лишала ее возможности реализовать себя в качестве легального мастера боевых искусств.

Похоже, что здесь, в Эль-Параисо, она обосновалась в качестве мастера нелегального. Сделать это на Ганимеде было куда легче, чем на Земле.

- Ты знаешь эту бабу? – Эмико дернула Выдру за рукав.
- Знаю, – пробормотал Выдра. – Лучше бы не знал.
- И что, ты в самом деле будешь с ней драться?
- Похоже, да. Она так просто не уйдет. И от нее не откупишься.
- Ты не убьешь ее, Выдра?
- Дай бог, чтобы она меня не убила.
- Что, она так здорово дерется?
- Сейчас увидишь, – невесело усмехнулся Выдра.

Оса не только здорово дралась. Оса отличалась умением найти точное время для выхода на сцену. Она подловила Выдру в самый неподходящий момент – когда он накачался спиртным, размяк и окончательно уверовал в собственную безопасность.

Чего эта дрянь хочет, черт возьми? Да, они расстались шесть лет назад худшими врагами, но виноват в этом не Выдра, а она. Она даже не ушла из лесорубов на пенсию – ее выгнали, и ей дико повезло, что не приговорили к элиминации за то, что она тогда натворила. Но опять же – вины Выдры в том нет.

Выдра с трудом ворочал затуманенными мозгами. Дерьмовая ситуация... Убить она его не имеет права, даже с лицензией, но вот искалечить – запросто. Хорошее начало отдыха на инопланетном курорте, ничего не скажешь! И вообще, как он умудрился на нее напороться? Случайность? Выдра не верил в случайности.

Все вокруг говорили на английском. Испанский, второй по распространенности в Эль-Параисо язык, тоже был малоприспособлен для интимной беседы. И поэтому Выдра заговорил на языке аймара.

- Что ты делаешь здесь, Амаранта? – спросил он.

– Живу здесь. Получила гражданство Ганимеда – сам понимаешь, после того, как на меня окрысилась Служба элиминации, на Земле я бы долго не протянула. А вот какого дьявола делаешь здесь ты?

– Отдыхаю, что еще? Я обычный турист. Слушай, Амаранта, очень тебя прошу – давай разойдемся миром...

– Заткнись! – перебила его Оса. – Отдыхает он... Не вешай мне лапшу на уши! Тебя по мою душу прислали, да? Не нашли другого исполнителя приговора, кроме как бывшего моего любовничка? Уроды вы, сволочи! Всегда ненавидела вашу Службу!

- Она и твоя тоже. Ты отработала лесорубом восемь лет...

– Черт бы побрал эти годы! До сих пор просыпаюсь по ночам от кошмаров. Ненавижу вас!

– Я больше не лесоруб. Я на пенсии.

– Другому кому ври.

– То есть, ты хочешь сказать, что меня послали тебя элиминировать? – Выдра не выдержал и коротко хохотнул, несмотря на серьезность ситуации. – Что с тобой случилось, Амаранта? Дурой, кажется, ты никогда не была.

– Да плевать мне на это! Лесоруб, не лесоруб... Даже лучше, если ты ушел из Службы – теперь никто не помешает мне надрать тебе задницу.

– За что?

– А ни за что. Просто за деньги. Мне платят деньги, и я бью всяких выскочек вроде тебя. Слава богу, на Ганимеде это разрешено. Работа у меня такая.

– Тебе не кажется, что такая работа бесчестна, что она неужодна ачачилас⁵, и они накажут тебя?

– Ачачилас? – на этот раз захохотала Оса. – Ты говоришь как нищий пастух откуда-нибудь из Чуймани⁶. Ты что, до сих пор веришь в эту дурь?

– Это не дурь!

– Эй, Оса! – влез в разговор ирландец, – чего-то мы не понимаем. Мы тебе бабки платим, чтоб ты начистила рыло этому каратисту, а ты тут стоишь и треплешься с ним на каком-то дурацком языке. Ты работать будешь или как?

Оса не ответила ирландцу, только приподняла очки и бросила в его сторону красноречивый взгляд. Ирландец съежился и затух.

– Это не дурь, – повторил Выдра. – Это вера наших предков. Мы с тобой индейцы и не должны об этом забывать. Глупые гринго погрязли в алчности и зависти – такова их природа, их уже не переделать. Но ты, Оса, – женщина народа аймара, и ачачилас всегда видит тебя, где бы ты ни была, пусть даже на другой планете. Если ты не кормишь ачачилас, они придут и съедят тебя.

– Ага... Стало быть, ты у нас добродетельный и честный, Выдра? Небось, и жертвы приносишь духам предков – как и положено, как учил тебя твой неграмотный дедушка-скотопас? Тогда скажи мне, чем твоя работа нравственнее моей? Ты убиваешь людей, и тебе платят за это деньги. Я тоже беру деньги, но не лишаю жизни, а всего лишь бью морды. По-моему, я куда чище тебя перед духами.

– Я уже не убиваю.

– Ну, убивал – какая разница? На какие денежки ты сейчас шикуешь здесь, в Эль-Параисо? На те самые – считай, кровавые.

– Я убивал негодяев и преступников, – глухо сказал Выдра. – Ты знаешь, что я не любил эту работу, но я делал ее, потому что кому-то надо ее делать. Как только представилась возможность, я ушел. Да, я убивал, но убивал законно...

– А сейчас я не менее законно сделаю из тебя отбивную! – заявила Оса, переходя на английский. – Все, хватит трепаться! Переходим к делу!

– Вау! – громко заорали гринго, – наконец-то! Размажь его, Оса! Юх-юх! Он Джорджу яйца отшиб! Сделай ему то же самое! Сделай ему яйца всмятку!

– Давай, начинай, – сказал Выдра и встал в стойку.

Оса завопила и бросилась в бой. Действовала она картинно, работала на публику, но это не делало ее менее опасной и быстрой. Выдра сосредоточился на ногах Осы – он вполне допускал, что она в самом деле постарается сработать на заказ и изувечить его мужское сокровище. И точно – первые два удара ногами пошли в пах. Выдра удачно успел поставить нижний блок, но на этом удача закончилась. Кулаки Осы выбили дробь на его физиономии, поддых ввинтился крюк, и в довершение всего в подбородок снизу шарахнул классический апперкот. Выдра перелетел через бильярдный стол, рухнул на пол и скрючился в позе зародыша, прикрывая голову руками. Через долю секунды Оса оказалась возле него и начала пинать тяжелыми армейскими ботинками – по ребрам, по ягодицам, по ногам.

Выдра корчился на полу, неуловимыми ухищрениями смягчая каждый удар – это он умел, этому его учили. Он с самого начала решил, что не будет сопротивляться – лучше получить положенную порцию тумачков и обойтись без серьезных повреждений, чем ввязаться в открытую драку с Осой и заработать пару переломов за пять минут. То, что он останется сегодня побежденным, не волновало его ни в малейшей степени. За годы, что Выдра работал лесору-

⁵ Achachilas – согласно верованиям индейцев аймара, духи предков, давних или недавних, исторических или мифических. Души всех живых постоянно находятся под властью этих духов.

⁶ Чуймани – горный район в Боливии.

бом, он усвоил простое правило: есть только один способ проиграть – умереть. И, соответственно, один способ выиграть – выжить и более того, остаться здоровым. Остальное – несущественно.

Однако шансы Выдры на то, чтобы остаться здоровым, уменьшались с каждой минутой. Оса обрабатывала его методично, ничуть не уставая, и, кажется, не собиралась останавливаться. Публика вокруг собралась изрядная, зрители сбежались со всего заведения, стояли кругом, орали, свистели, хлопали и подбадривали экзекуторшу. По крайней мере три удара уже оказались более чем чувствительными – ребра еще не сломались, но были близки к этому. Выдра пытался сообразить, что делать дальше. Соображал, увы, слишком медленно – мешало ужасное количество алкоголя в крови и шум в голове после сокрушительного удара в нижнюю челюсть.

«Слишком медленно» заняло не больше минуты. За это время Выдра успел осознать, что сегодняшний день стоит записать в ряд особо неудачных – как и все дни, когда он имел дело с Амарантой. Он понял, что пассивная тактика все-таки приведет к долгому валянию на больничной койке. И поэтому решил, что стоит побороться за свое здоровье – энергично, эффективно и быстро. Он собрался вскочить на ноги, получить молниеносный прямой в голову, сгладить его насколько возможно, чтобы избежать сотрясения мозга, рухнуть наземь и потерять сознание. Или правдиво изобразить, что потерял его. В этом случае по ганимедским законам драка должна быть немедленно остановлена.

Стоит признать, что Выдра выпил в тот вечер действительно много, недопустимо много для элиминатора. Нельзя сказать, что среди лесорубов царит абсолютный сухой закон, но элементарная логика их жизни приводит к тому, что употребляя спиртное достаточно часто (не реже раза в два месяца), среднестатистический работник Службы элиминации выпивает за год столько же, сколько какой-нибудь, к примеру, русский Иван Иванов – за три дня.

Сегодня Выдра без лишних раздумий влил в себя полугодовую норму, и теперь расплачивался за это – делал все не так, как нужно. Он удачно вскочил, вызвав бурю радостных эмоций у зевак, подставил физиономию под кулак Осы, всего лишь миг отделял его от осуществления хорошо задуманного плана... Увы, Выдра был чрезмерно пьян, а потому слишком зол, и не контролировал свои эмоции. Он не смог подставиться – рефлекторно ушел в сторону. И тут же, на полном автомате, вмазал Осе в ухо, чего уж и вовсе не собирался делать.

На сей раз пришла очередь Осы повалиться на пол. Будь на месте Осы любая другая женщина, ей бы хватило с избытком для сотрясения мозга. Но для тренированной Осы подобный нокдаун был лишь мелким недоразумением. Она перешла в атаку сразу же, из нижнего положения – кувыркнулась вперед, вышла в стойку на руках и полетела вперед ногами, акробатка этакая – удар очевидный, но массивный и крайне тяжелый для парирования, особенно когда тебя держат с двух сторон.

А Выдру уже держали. Два разукрашенных им европейца схватили его за руки, стиснули, зафиксировали отрепетированным движением – не в первый раз, видать, приходилось им совершать такую подлость. Сценарий понятный: Оса долетает до Выдры, бьет его двумя ногами в грудную клетку, тут и сказке конец, можно вызывать неотложку. Но Выдра успел среагировать – стиснул зубы, саданул локтем того, кто справа, теснее прижался к тому, кто слева, совершил полуоборот вдоль оси и согнул ноги, превратив их во взведенные пружины.

Этого оказалось вполне достаточно. Выдра прикрылся, выставил на линию атаки левого опекуна – того самого веснушчатого ирландца. Оса въехала ботинками в ирландское плечо, сломав его с хрустом, и спикировала на пол, неловко рухнув на бок. Многострадальный ирландец, соблюдая законы притяжения, геометрии и криминального жанра, перелетел через голову Выдры (Выдра помог ему, резко выпрямив ноги), ввинтился телом в обалдевшую толпу и сшиб собой человек семь или восемь.

Вот теперь, пожалуй, гипотетический гонконгский режиссер остался бы доволен – сцена получилась донельзя эффектной. Дальше, вероятно, сей режиссер устроил бы между Осой и Выдрой долгую драку – с беготней по бильярдным столам, фехтованием киями, метанием утяжеленных ганимедских шаров и непременным ломанием всех попадающихся под руку предметов интерьера. А в конце этот режиссер отдал бы победу Выдре – это логично, это понятно, потому что Выдра хороший, а Оса плохая.

Увы, режиссер пребывал далеко – в своем Гонконге, на планете Земля, и ничего не знал о происходящем. Поэтому драке предстояло продолжиться по сценарию Осы, и ничего в этом хорошего не было. Оса поднималась на ноги – на этот раз медленно, не спеша, а по спине Выдры бежали крупные, просто-таки гигантские мурашки. Он чувствовал, что на этот раз нарвался на действительно большие неприятности.

Оса покрутила головой, разминая шею, тряхнула плечами и сказала хриплым голосом:

– Ну все, Выдра, ты меня достал. Теперь не надейся, что отделаешься легко.

Выдра не ответил. Он соображал все хуже и хуже. В голове его стоял металлический звон.

Однако в следующем раунде он держался вполне достойно – целых две минуты. Мастерство, как говорится, не пропьешь. Через две минуты Оса сшибла его на пол подсечкой, оседлала, сжав ногами руки и занесла кулак. Толпа ревела и неистовствовала...

Добивание – вот как это называется. Выдра еще дергался, но силы оставили его. Он зажмурил глаза... О духи, ачачилас, почему такая несправедливость? Пожалейте меня, ачачилас, не ешьте меня – я всегда хорошо кормил вас. Я буду кормить вас еще лучше...

– Стоп! – прогремел голос снаружи, из душного прокуренного мира. – Остановить драку! Остановись, я сказал! Не вздумай его ударить, Оса. Ударишь – получишь два года на рудниках!

– Это еще почему? – недовольно отозвалась Оса. – Что за хрень? Мне выдали лицензию по всем правилам!

– Потому что я отозвал лицензию.

Выдра медленно, осторожно открыл глаза и увидел перед собой синие форменные брюки. Мулат-охранник наклонился к нему.

– Ты как, парень? – спросил он участливо.

– Так себе... Бывало и лучше.

– Вставай, – сказал охранник Осе. – Отдыхай, на сегодня достаточно.

– Какого черта? Он не потерял сознания...

– Пока вы тут махались, она заплатила за досрочный отзыв вашей лицензии, – мулат показал коричневым пальцем на Эмику. – Заплатила полторы тысячи кредитов, понятно? Все как положено. Ты можешь продолжать драку, но тогда тебе придется купить новое разрешение. И стоять оно, после первого отзыва, будет уже пять тысяч кредитов. У тебя есть лишних пять штук? Выкладывай их и продолжай разборки.

Выдра почувствовал вялый приступ любви к Эмике. Хорошая девочка.

Оса поднялась на ноги, плюнула на пол и побрела прочь.

– Эй, – крикнули ей из толпы, – подожди, Оса! Мы сейчас тут скинемся на пять штук. Пять штук – ерунда. Этого недоноска надо добить!

– Пошли вон, – буркнула Оса.

– Нет, ну ты чего? Дело надо доделать...

– Я же ясно сказала: идите к черту!

– Нет, мы договаривались, что ты его вырубешь. Иначе какие тебе деньги?..

– Не надо мне ваших денег, – бросила Амаранта, обернувшись через плечо. – Засуньте их себе в задницу.

Она растолкала зевак и покинула клуб.

Глава 3

Выдра чихнул и вернулся в реальность: похмельное утро, ванная комната, безобразная отечная физиономия в зеркале. Н-да... Хорошее начало дня. О вчерашней ночи он не помнил ничего – с того часа, как Эмико притащила его в свой отель, все кануло в бездну забвения. Может, оно и к лучшему. Вряд ли там было такое, что стоит вспоминать.

Выдра, скрипя зубами от боли, стянул через голову футболку и швырнул ее в контейнер для грязного белья. Осмотрел себя в зеркало со всех сторон. Кажется, не так уж и плохо – синяки, конечно, есть, но не слишком видны на смуглой коже. Чихать не больно – значит, ребра не сломаны. Вот ходить больно – Оса постаралась на славу, отбила ему все ноги. Ну и ладно, все равно ему нужно отлежаться пару дней, прийти в себя, потарашиться в телевизор. К примеру, посмотреть «Битву деградантов» – шоу, о котором кричат на каждом углу. Узнать, что это за деграданты такие и как они бьются.

Выдра принял душ, почистил зубы и почувствовал, что сделал первый шаг к собственной моральной и физической реабилитации. Потом заказал в номер завтрак и включил телевизор.

Нельзя сказать, что Выдра любил телевидение, скорее наоборот. Однако теперь, когда он решил изменить свою жизнь, следовало поменять и многие из старых привычек. Поэтому Выдра сел в кресло, вооружился стаканом холодной минеральной воды и решительно запустил поисковую систему.

Оказалось, что «Битву деградантов» показывают по каналу «Солар Тревел ТВ», по три часовых выпуска в день. Конечно, Выдра уже миллион раз слышал об этом суперпроекте, но в последний месяц он был занят под завязку, и потому искренне не знал, кто такие деграданты и почему им разрешено убивать друг друга на глазах у всего цивилизованного мира. На рекламных щитах, телевизионных вставках и сетевых баннерах, прославляющих шоу, был изображен смуглый дикарь в набедренной повязке – накачанный, как Мистер Олимпия, с сучковатой дубиной в руке и зверским выражением лица. Внизу каждой заставки большими буквами шел лозунг: «Битва деградантов. Стань человеком!» По-видимому, это означало, что изображенный дикарь – не человек, но имеет шансы им стать. Девчонка из эфиопского ресторана вчера сказала, что в шоу дикари конкретно убивают друг друга. Выдра хорошо знал законы, и понимал, что согласно Земному Кодексу такого быть не может. Просто не может, и все. На Земле любой организатор массовых убийств автоматически становится преступником первой степени и приговаривается к элиминации.

Итак, что здесь – грандиозное надувательство или нечто иное?

До ближайшей прямой трансляции оставался час и Выдра запустил информационный релиз. Как человек обстоятельный, он решил разобраться, с чем имеет дело. Он уже не был агентом Службы элиминации, но профессиональные привычки все еще превращали обычное его любопытство в подобие подготовки к спецоперации.

Стереозэкран, занимающий половину стены гостиной номера, ярко осветился, и на нем появился Урия Клопски – один из самых популярных телеведущих. Пятнадцать лет назад он эмигрировал с Земли на Ганимед и возглавил телеканал «Солар Тревел ТВ» – в ту пору медленно умиравший, несмотря на финансовые вливания одноименной туристической корпорации, а ныне цветущий и пахнущий. Выдра сморщил нос – пахло от «Солар Тревел ТВ», по его мнению, дерьмом, но сия телекомпания подчинялась законам бессовестного Ганимеда, а не приличной Земли, и ее рискованные, на грани фола, проекты неизменно приносили баснословные прибыли.

Урия Клопски, обряженный в сверкающий блесками фиолетовый смокинг, красное кружевное жабо и пенсне с зеркальными стеклами, сделал пару танцевальных пируэтов, взмахнул

длинной желтой бородой, заплетенной в косицы, стукнул в пол белой тростью, элегантно приподнял атласный котелок и возвестил:

– Дамы и господа, приветствуем вас на нашем шоу «Битва деградантов»! Лучшее реалити-шоу всех времен и народов, всех планет и галактик! «Битва деградантов»! Стань человеком!!!

Выдра скептически хмыкнул. Лучшее шоу... Видали мы такое. Интересно, есть ли в этой галактике хоть одно не лучшее шоу? И тут же Выдра забыл о своем скептицизме – заставка, появившаяся сзади от Урии, заставила его удивленно поднять брови и даже привстать с места.

Сперва появилась картинка – стандартная, с голым дикарем-культуристом. Через долю секунды статичное изображение оживило – дикарь швырнул дубину в сторону, зверовато оглянулся и побежал сквозь джунгли. Камера последовала за ним. Избыточность мышц, зафиксированная в снимке, куда-то исчезла, сгладилась. Теперь Выдра видел индейца – дикого, не испорченного цивилизацией, бегущего с первозданной природной грацией. Длинные черные волосы индейца развевались на бегу, крепкие мускулистые ноги перепрыгивали через поваленные деревья, руки неумоимо двигались и бугры мышц ходили вверх-вниз по жилистой спине.

Это был индеец, без сомнения. И бежал он по сельве⁷ – странной, никак не боливийской или перуанской, даже не бразильской. Таких деревьев не могло быть на Земле. Похоже, этот лес был инопланетным.

Откуда они взяли такого? В Латинской Америке нецивилизованных индейцев почти не осталось – разве что несколько тысяч в лесах Амазонки. И почему это гармоничное существо называют словом «деградант»? Кому нужно становиться человеком – ему? Не лучше ли стать людьми всем остальным, погрязшим во лжи и чревоугодии?

– У нашего реалити-шоу нет аналогов! – продолжил между тем ведущий. – Телеканал «Солар Тревел ТВ» начал с того, что купил в Тихом океане небольшой остров, расположенный в архипелаге Хуан-Фернандес. Теперь на этот земной островок, называющийся Унисина⁸, полностью распространяется юрисдикция планеты Ганимед...

Выдра вздрогнул. Унисина... надо же так отвратительно назвать остров. Совпадение или продолжение ряда закономерностей? На языке аймара *«unisina»* означает зависть – худшее из чувств, которое может испытывать человек. Завистливый человек становится угрозой удачливым людям, рано или поздно он обращается к колдовству для отмщения соперникам. Зависть порождает враждебность, и тогда сгорают дома, люди и их жены подвергаются побоям, и о них распространяются ложные слухи...

– А три дня назад мы поселили на острове Унисина двенадцать самцов-деградантов с планеты Новые Анды, – возвестил Клопски. – Дюжина великолепных особей местной породы, во всем напоминающих людей. Во всем, кроме разума. – Ведущий развел руками, изобразил на лице скорбную мину. – Увы, эти мощные, по-своему красивые, и невероятно агрессивные звери уже больше столетия назад потеряли право называться людьми. Это подтверждено экспертами Экологической комиссии Трансгалактической Унии...

Ага, вот оно что. Выдра понял все окончательно – удивительно, как раньше не догадался. Бессовестные телевизионные дельцы добрались-таки до несчастных свистунов с Новых Анд. Превратили в фарс человеческую трагедию, нашли способ выкачать деньги из беды, погубившей колонизаторов новой планеты.

Самцы, звери... Боже, какое словоблудие. За большие деньги можно признать нелюдьми кого угодно. Впрочем, нет. Положа руку на сердце, следует сказать, что генетическая экспертиза столетней давности была объективна и не признала бы обитателей планеты Новые Анды животными ни за какие деньги, если бы они действительно остались людьми. Но сви-

⁷ Сельва – влажный тропический лес.

⁸ Название и местоположение острова вымышлено автором.

стунам с Новых Анд не повезло капитально. Они не просто одичали и озверели – они мутировали. Мутировали настолько, что Экологической комиссии только и оставалось признать их не Гомо Сапиенсами. По уровню интеллекта свистуны не превосходили гиен. И это было обидно вдвойне, потому что они, как ни суди, в прошлом были близкими родичами Томаса Уанапаку.

Началась эта история больше ста пятидесяти лет назад, во время активного заселения близлежащих к Земле планетных систем. Общество диссидентов «Капак-куна» из Боливии и Перу, состоящее из индейцев племен аймара и кечуа, купило права на планету в созвездии Пегаса, назвало планету «Новые Анды» и основало там колонию численностью пять тысяч человек. Что-то было не в порядке с атмосферой на этой планете, Выдра уже точно не помнил... Колонистов предупреждали, что у рождающегося потомства могут произойти генетические изменения. Сектантам было на это наплевать. Их устраивало то, что на Новых Андах были джунгли – шикарные, дремучие, изобилующие съедобными животными. Такого леса не было больше ни на одной открытой планете. Индейцы, колонизовавшие планету, собирались возродить старые обычаи, молиться инкскому богу Виракоча, возвести в гористой местности город, подобный древней инкской столице Куско, и жить в гармонии с природой, не пренебрегая, впрочем, и удобствами современной цивилизации.

А вот плевать на предупреждения, как скоро выяснилось, не стоило. Поначалу дело на Новых Андах шло неплохо, колонисты начали строить город под названием Саскауаман, окруженный каменной крепостью. Но через двадцать пять лет связь с планетой оборвалась. Попытки наладить сообщение не принесли успеха, и, как положено, на Новые Анды была выслана разведывательная миссия Трансгалактической Унии. Миссия пропала без следа – утонула в бескрайних дебрях как в океане. Поэтому следующим на планету высадился отряд космического спецназа. Он продержался на Новых Андах всего лишь месяц, потеряв за это время четверть личного состава, но сумел собрать информацию – скажем прямо, весьма оригинальную.

– Перед вами – наш научный консультант, профессор Тед Веллингтон, – заявил тем временем телеведущий, – Он расскажет вам, каковы особенности поведения новоандских дегрантов, почему они не могут считаться людьми, и что делает их идеальным объектом для нашего шоу.

Рядом с Клопски на экране появился благообразного вида старичок в синей академической мантии и не менее академическом головном уборе.

– Доказано, что трициклофосфоаминоглозин, присутствующий в атмосфере Новых Анд в ничтожных количествах, губительным образом воздействует на генетику человека, – начал повествование профессор. – Этот ядовитый газ выделяется в воздух одной из разновидностей местных сапрофитных лиан, называемой *Streptogaria idiotaphora*. Колонистов-индейцев предупреждали о том, что дети, родившиеся на планете, могут иметь проблемы с наследственностью, но никто не предполагал, что это проявится так быстро и в такой неожиданной, катастрофической форме. Как выяснилось позже, трициклофосфоаминоглозин является не только сильным мутагеном, то есть веществом, вызывающим изменения в наборе хромосом, но и психотропным реагентом – у людей, которые его вдыхают, происходят медленные, но необратимые изменения в поведении: человек становится агрессивным, его интеллект резко снижается, а также полностью исчезает способность вести общественный образ жизни.

В результате через тридцать лет на планете Новые Анды уже не осталось людей как таковых. Одичавшие, потерявшие человеческий облик колонисты были перебиты своими же потомками, идеально приспособившимися для обитания в джунглях. Их дети уже не имели права называться людьми – они деградировали и потеряли разум. Кроме измененного набора хромосом, что было выяснено кариотипированием⁹, полностью изменился социальный тип

⁹ Кариотипирование – изучение набора генов.

поведения аборигенов. Отпрыски некогда мирных индейцев не могут жить человеческим сообществом, причем в большей степени это относится к особям мужского пола, чем к женщинам. Взаимоотношения мужских и женских особей остались вполне мирными, но самцы стали относиться друг к другу абсолютно нетерпимо. При встрече двух самцов-деградантов половозрелого возраста в любом случае возникает схватка, чаще всего заканчивающаяся гибелью одного из них. Поскольку джунгли, пригодные для обитания, занимают на планете огромную территорию, ареал обитания каждого из самцов составляет не менее десяти квадратных километров. Самец строго охраняет границы своего владения, не допуская вторжения других самцов. Это напоминает модель поведения некоторых крупных земных хищников – доведенную, впрочем, до гротеска. К примеру, в повадках бурых медведей есть нечто сходное, но схватки самцов крайне редко приводят к гибели животных – побежденный хищник покидает место сражения, а победитель благородно не преследует его. Нетрудно догадаться, что такой самоубийственный, я бы сказал, неестественный отбор, противоречащий законам эволюции, не способствует процветанию вида. Популяция новоандских деградантов постоянно сокращается и в настоящее время составляет не более двух тысяч особей...

– Благодарю вас, профессор! – воскликнул Урия Клопски. – Вы очень доступно объяснили, в чем суть проблемы. – Клопски картинно взмахнул тростью и Веллингтон растворился в воздухе. – А теперь, дорогие зрители лучшего в галактике телеканала «Солар Тревел ТВ», посмотрите, как это выглядит на самом деле. Ужасное, кипящее адреналином зрелище: самцы-деграданты убивают друг друга! Съемка, которую вы сейчас увидите, сделана нашей телекомпанией на планете Новые Анды, в тамошней дикой-предикой, ужасной-преужасной сельве, населенной жалящими насекомыми, ядовитыми змеями, грозными хищниками, и, наконец, самыми страшными и безжалостными зверьми, каких только видела эта несчастная планета – бывшими людьми, свистунами-деградантами!

Картинка снова вернулась к бегущему индейцу. Тот все так же неумоимо мчался вперед, перепрыгивая через причудливые поваленные стволы неземных деревьев.

Странно, что деградант носит набедренную повязку, отметил Выдра. Как известно, животные не используют одежду. Хотя вероятно, что изображение повязки наложили компьютерным способом – вряд ли будет позволено в шоу, транслирующемся на всю Солнечную систему, изо дня в день показывать полностью голых мужиков. Это вышло бы за рамки реальности-шоу и превратилось в разновидность стриптиза.

– Вы можете спросить, как нам удастся следить за этим деградантом? – раздался голос ведущего. – Почему свистун не реагирует на оператора и не пытается его убить? Да очень просто! Наши камеры встроены в летающие устройства – нечто вроде миниатюрных вертолетиков величиной в ладонь. Деградант вряд ли может отличить их от больших стрекоз. Таким образом, применяя самые современные технологии видеосъемки, мы можем постоянно держать наших деградантов в кадре и следить за ними, не нарушая естественности обстановки.

Индеец резко остановился, замер, прислушался. Потом издал свист – высокий, на грани ультразвука, настолько пронзительный, что у Выдры заложило уши.

– Это его боевой клич, – прокомментировал Клопски. – Неспроста новоандских деградантов называют также свистунами. Вы уже знаете, что они потеряли способность к членораздельной речи, и единственное, что осталось для общения – этот свист, монотонный и ничего, в сущности, не означающий. Ничего, кроме агрессии. В настоящий момент ситуация такова: на участок обитания этого деграданта вторгся чужак, и он вызывает его на бой.

В тот же момент раздался треск ветвей и сверху на свистуна обрушился второй деградант – прыгнул с нависающего над поляной сука. Съемка на несколько секунд перешла в замедленный режим, деградант номер два эффектно поплыл в воздухе – оскалив зубы, расставив мускулистые руки и полусогнув мощные ноги. Он врзался во врага пятками, сшиб его на землю, и тут же оказался на нем верхом, вцепившись пальцами в горло. Казалось, он задушит против-

ника сразу же, но не тут-то было. Поверженный дикарь сложился пополам, ударил врага коленями в спину, выскользнул из захвата и побежал прочь. Далеко, впрочем, не ушел – вскарабкался на дерево со звериной ловкостью, оттолкнулся, сделал сальто в воздухе и приземлился точно на соперника, впечатав его в землю.

Это напомнило Выдре американский рестлинг, когда борцы картинно прыгают друг на друга с углов ринга. И в тоже время это было противоположностью рестлингу – здесь отсутствовала фальшь, наигранность кичевого спектакля. Все тут было всерьез, яростно, насмерть. И конечно, потрясала скорость – почти все время кадры замедлялись, чтобы зритель мог хоть что-то различить в катающемся по земле окровавленном клубке тел, бьющих ног, сплетенных рук, зубов, впивающихся в кожу и рвущих ее с остервенением. Пожалуй, такой деградант уделал бы любого профессионального громилу-рестлера меньше, чем за минуту – перекусил бы ему сонную артерию, и дело с концом.

«А я победил бы такую тварь?» – подумал Выдра, и понял, что не знает ответа. Всю жизнь он тренировался для того, чтобы драться с людьми, но схватку человека с деградантом нельзя было отнести к обычному единоборству – так же, как нельзя отнести к стандарту поединков человека со львом или медведем. Два сражающихся почти-человека действительно были не людьми, а хищными животными. Люди не могли так драться – даже самые дикие и нецивилизованные.

Битва деградантов длилась меньше трех минут. Второй из них – тот, кто вторгся на чужую территорию, казалось, почти уже одержал победу. Он подтащил обессиленного противника к дереву, схватил его за волосы и начал колотить затылком о дерево, намереваясь размозжить череп. Однако первый свистун, вроде бы уже потерявший сознание, вдруг ожил, вытянул руки и вонзил когтистые пальцы в глазные яблоки врага. Тот с пронзительным свистом попытался отпрыгнуть, но поздно – первый деградант повалил его на землю и приник к его жилистой шее. Брызнула кровь, свист сменился хрипом, дикарь в последний раз дернул ногами и затих. Победитель оторвался от жертвы, повернул лицо, уставился прямо в камеру и оскалился.

Выдра вздрогнул. В глазах деграданта не было ничего человеческого – желтые буркалы с узкими вертикальными зрачками могли принадлежать скорее рептилии, чем млекопитающему. И зубы, эти окровавленные зубы... Они явно говорили о том, что их владелец – не Гомо Сапиенс. Длинные клыки, острые резцы, ярко-красные бугристые десны... Свистун, казавшийся со спины обычным индейцем, имел физиономию классического голливудского оборотня или вампира, превращающегося в полнолуние в зверя, и посасывающего в свое удовольствие кровушку у добропорядочных девушек, а также время от времени вкушающего их сочного мяса.

– Да-да, господа зрители! – ведущий снова появился на экране, заслонил собой застывшую в стоп-кадре морду деграданта. – Именно так, господа! Вы воочию узрели, что может случиться с людьми, пренебрегающими советами специалистов экзоразведки Трансатлантической Унии. Теперь вы знаете, во что превратились несчастные южноамериканские индейцы, дальние потомки инков. Они лелеяли мечты вернуться к обычаям предков, возродить древнюю культуру, уничтоженную конкистадорами в шестнадцатом веке, но, увы, продвинулись в своем стремлении к прошлому гораздо дальше, чем рассчитывали. Они мутировали и превратились в зверей. Есть ли у них надежда, господа? Смогут ли если не деграданты, то хотя бы их потомки когда-нибудь превратиться в разумных существ, подобных людям? Сможет ли новоандский деградант снова стать человеком? Послушаем мнение на этот счет нашего любимого, нашего обожаемого, нашего самого-самого умного-преумного, супер-трупер-академика Теда Веллингтона! Профессор, прошу на сцену!

Урия подкинул трость так, что она совершила полный оборот в воздухе, поддел ее обеими ногами по очереди, подкинул снова и ловко поймал левой рукой. Очевидно, эти манипуляции были предназначены для появления профессора – что, собственно говоря, и произошло

немедленно. Выдра недовольно сморщился. По его мнению, манеры Клопски давно вышли за рамки экстравагантности и превратились в откровенную пошлость. Впрочем, именно этим Клопски нравился статистическому большинству обитателей всех населенных планет, и значит, его поведение было оправданным с точки зрения шоу-бизнеса.

– Есть ли у новоандских деградантов шанс? – задумчиво произнес Тед Веллингтон. – Как ни странно, шанс есть, дорогие телезрители. Нужно отдать должное корпорации «Солар Тревел» – именно она вложила немалые деньги в научные изыскания, призванные решить проблему новоандских деградантов. И изыскания эти увенчались немалым успехом – создан антидот, то бишь противоядие, способное нейтрализовать действие трициклофосфоаминоглобина. У контрольных особей свистунов, которым в ходе эксперимента был введен антидот, в течение трех месяцев произошли разительные изменения: их интеллект повысился приблизительно до уровня шимпанзе, значительно снизилась агрессивность, самцы приобрели способность общаться друг с другом, не вступая в смертельные сражения. Трудно сказать, сможет ли длительное применение антидота вернуть деградантов в лоно разумного человечества. Но если свистуны перестанут убивать друг друга безо всякого повода, это уже можно считать целью, ради которой стоит работать...

Неизвестно, хотел ли сказать старикан что-то еще, потому что поганец Клопски в очередной раз удалил его из поля зрения, оборвав на самом интересном месте.

– Как видите, дорогие телезрители, деграданты с Новых Анд относятся друг к другу крайне недоброжелательно! – воскликнул Клопски. – И это мягко сказано, потому что очевидно, что при таком образе жизни через несколько десятков лет они уничтожат самих себя окончательно. Деграданты настоятельно нуждаются в спасении! И их есть кому спасти – вот уже несколько лет корпорация «Солар Тревел» разрабатывает программу по мероприятиям, которые могут остановить их вымирание. Но для этого нужны деньги – сами понимаете, все в нашем мире требует финансовых вливаний, никуда от этого не деться. Скажу вам больше: наше шоу создано именно для того, чтобы заработать средства, значительная часть которых пойдет на программу спасения свистунов. Спасем деградантов, дорогие граждане, дадим им шанс, превратим их в людей!

Энтузиазм на лоснящейся физиономии ведущего превзошел все мыслимые пределы. Он снова приступил к упражнениям тростью, жонглировал ею, и котелком, и пенсне целую минуту, после чего, очевидно, созрел для продолжения речи.

– Итак, шоу началось три дня назад. Вот они, наши герои, наши красавцы, наши свирепые и неустрашимые бойцы! – На экране рядами высветились звероподобные лица деградантов, под каждым из них была написана кличка. – Как видите, свистун, который удачно украсил собой нашу заставку и стал победителем только что увиденного вами побоища, среди них. – Клопски ткнул тростью в портрет уже знакомого Выдре дикаря. – Мы привезли его на остров и дали ему имя Варан. Он матерый самец, поднаторевший в смертельных сражениях, его вес – под сотню килограммов, и все эти килограммы – чистые мышцы, жилы и кости, никакого жира. Варан – хитрый и опытный убийца. Тем, кто по какой-то необъяснимой причине не следит за событиями нашего шоу, скажу: только вчера он перегрыз глотку очередному наглецу, вторгшемуся на его священную, неприкосновенную территорию. Варан является фаворитом в нашем тотализаторе, и те, кто поставил на него во вчерашнем поединке, выиграли в среднем от двух до пяти тысяч кредитов. Еще раз напомню, что деньги, которые мы зарабатываем с вашей помощью на нашем супер-реалити-шоу, не являются для нас самоцелью, ибо большая часть их пойдет на спасение новоандских деградантов. Наше шоу одобрено и лицензировано Этической комиссией Трансгалантической Унии...

Выдра в очередной раз скептически хмыкнул. Спасем свистунов, это ж надо... Видали мы таких спасателей. Для чего каналу «Солар Тревел ТВ» спасать несчастных озверевших обитателей Новых Анд? Нетрудно догадаться – зачем. Деньги в спасение свистунов уже вбу-

ханы, и немалые, в этом можно не сомневаться, иначе придирчивая Этическая комиссия, ошестившаяся запретами как дикобраз иглами, ни за что не разрешила бы трансляцию столь кровавого и в то же время настолько реального шоу. Формальности соблюдены, но вот на что действительно пойдут эти средства? Очень сомнительно, что из человекоподобных зверюг с глазами крокодилов и зубами бабуинов можно снова сделать людей – в конце концов, человек не бог, и не ему творить разумных тварей по образу своему и подобию. Несложные логические рассуждения: на Новых Андах устроят этакую звероферму для разведения бойцовых троглодитов. Впрыскиванием антидота добавят деградировавшим индейцам толику интеллекта – это не спасет их, но сделает шоу еще зрелищнее, потому что тот, кто поумнеет быстрее, получит дополнительный шанс выжить в очередной драке. «Битва деградантов-4», «Битва деградантов-14», «Битва деградантов-23»... Со временем, само собой, это приестся, превратится в очередной изживший себя проект. Но вложенные деньги окупятся к тому времени с лихвой. Оставшихся на Новых Андах деградантов изловят, поместят в прочные клетки, привезут на Землю и поселят в особо заботливых условиях – в окружении медиков, экзобиологов и псевдоэкзопсихологов. Там несчастные зверюги и вымрут окончательно – лет этак через десять. Хотя на своей, ставшей им родной планете, они вероятно, просуществовали бы сотни, тысячи лет, и, возможно, превратились бы в доминирующий вид хищников.

Выдра не выдержал и плюнул под ноги. Глупо это – харкать на пол в собственном, снятом за немалые деньги номере, оставлять пенящийся плевок на отличном полу из настоящего букового паркета, и потом десять раз за вечер переступать через маленькую собственную харкотину в ожидании, что завтра придет горничная и вытрет тряпкой то, что осталось от неконтролируемого всплеска эмоций. Однако Выдра не смог сдержать гнева.

– Итак, мы, как говорится, вернемся к началу, – возвестил с экрана Урия Клопски. – Сейчас я скажу пару слов для тех, кто видит наше шоу впервые. Хотя я знаю, что таких совсем немного: по последним данным, шоу «Битва деградантов» смотрит почти семьдесят процентов телезрителей Солнечной системы, и это, скажу вам по секрету, абсолютный рекорд, уже зарегистрированный в книге Гиннеса. Но нам нет дела до рекордов, наше дело – заботиться о вас, наши милые, любимые, обожаемые, самые лучшие во всей обозримой вселенной зрители телеканала «Солар Тревел ТВ». И поэтому я терпеливо вернусь к началу моего повествования и расскажу, в чем состоит суть нашего шоу.

Снова вернулась картинка: знакомый индеец, про которого Выдра уже знал, что он не индеец, и даже не человек, а деградант по кличке Варан, оглядывался по сторонам, хищно втягивал воздух ноздрями и нервно моргал. На этот раз Варана окружала не инопланетная, а вполне земная флора – он стоял среди тропического леса.

– Напомню вам, что три дня назад мы поселили на острове Унисина дюжину самцов-деградантов с планеты Новые Анды, – продолжил Клопски. – Как вы уже знаете, на родной планете территория обитания каждого самца составляет не менее десяти квадратных километров. К сожалению, площадь острова Унисина не позволяет предоставить деградантам, участвующим в нашем шоу, столь шикарные условия. На каждого из них пришлось чуть более семи тех же квадратных километров. Любой из обитателей Земли счел бы такую площадь в тропиках роскошной, более чем избыточной, вложил бы в нее деньги, построил бы там два десятка бунгало с бассейнами, две четырехзвездочных гостиницы и одну гостиницу высшего класса. Увы, наши бедняги понятия не имеют о том, что такое гостиницы, ни о том, что такое деньги. Они знают лишь одно: любой самец-свистун, вторгшийся на их территорию, должен быть убит, будь он даже родным братом!

Экран разбился на несколько секторов и на нем появились изображения свистунов, бредущих по джунглям в разных частях острова. Они обживались – принимались, недоверчиво трогали пальцами кору деревьев, осторожно пробовали тропические плоды, в изобилии растущие на ветвях.

– На сегодняшний день на острове осталось десять деградантов – за три дня произошло две схватки, и два свистуна погибли. Увы, ничего не поделать – таковы законы природы, и в естественном отборе выживает сильнейший. А сильнейший у нас Варан – именно он убил двух самцов и расширил свою территорию обитания. Варану пока везет, но кто знает, как сложится его судьба в дальнейшем? Если он сумеет победить всех и останется на острове единственным, то его ждет награда: он пройдет полный курс лечения антидотом и получит шанс стать настоящим человеком. Ибо только в этом состоит цель нашего шоу – мы зарабатываем деньги на спасение деградантов. Делайте ставки, господа! Ваши деньги будут потрачены на благое дело!

Сделать, что ли, ставку? – подумал Выдра. Черта с два... Дурь все это, детский лепет на лужайке. Деньги получают только те, кто поставил на последнего оставшегося в живых, все остальные окажутся в пролете. По мере выбывания-убивания деградантов будет оказываться все больше тех, кто сделал ставку на правильную кандидатуру. В итоге каждый из них получит жалкие гроши. Большой куш сорвут только организаторы шоу. Стоит отдать им должное – задумка поистине крутая, такого еще не было – чтобы в прямом эфире настоящие люди (или звери, выглядящие точь-в-точь как люди) реально убивали друг друга. До сих пор в подобных боевых шоу – на вылет, с гибелью участников, – использовали только полумразумных гитов с планеты Эрти-14. На людей гиты похожи мало – раскоряки на шести лапах, чешуйчатые хвосты, жабы буркалы, клыки по сорок сантиметров. Словом, не тот адреналин, не тот. Вот вам, господа, нетривиальный коммерческий ход: пробиваем, продавливаем немислимыми способами, покупаем за фантастические бабки лицензию на проведение боев с участием деградантов. Они уже не люди, господа, это доказано наукой. Они только выглядят как люди... хм, и неплохо выглядят. Можно не сомневаться: чтобы отобрать эту дюжину, отсеяли не одну сотню.

Выдра скрипнул зубами от недовольства и выключил телевизор, несмотря на радостные вопли Урии, возвещающего о начале очередного прямого включения. Элиминация – вот что охотно прописал бы Выдра для Клопски и подобным ему деятелям шоу-бизнеса. Увы, не приходится сомневаться, что «Солар Тревел ТВ» юридически обставила свой проект как следует – нашла лазейки в земных законах и наняла лучших специалистов, доказавших, что Земной Кодекс не нарушен ни на йоту. Свинство это, вот что. Люди, устраивающие такие шоу, не лучше свиней.

Больше в этот день Выдра телевизор не смотрел – решил, что довольно с него свинства. Он лег на диван, вытянул ноги, взял из стопки книг древний, но неувядающий бестселлер «Анна Каренина» и предался увлекательному чтению.

Глава 4

Прошло шесть дней. Выдра полностью оклемался, выздоровел, и даже прибавил полтора килограмма веса, питаясь регулярно и вкусно. Он совершил погружение с аквалангом в подземных пещерах Ганимеда и нашел это занятие интересным и более того – экстраординарным. Он отыскал Эмико и пригласил ее в хороший французский ресторан – в знак благодарности за спасение от Осы. Ужин прошел славно, без эксцессов, на этот раз никто не нападал на Выдру и не пытался переломать ему кости. Эмико оказалась чудной, умной собеседницей, интерьерным дизайнером из Саппоро. Само собой, они не успели наговориться в ресторане и продолжили общение в номере Выдры – сперва в джакузи, а потом и в постели. К сожалению, Эмико уехала с Ганимеда через пару дней, отпуск ее закончился, но Выдра договорился встретиться с ней на Земле. Он даже попросил Эмико не выходить замуж за те несколько месяцев, пока они будут в разлуке – кто знает, может у них с Выдрой получится что-то действительно серьезное... Эмико с радостью согласилась, сказала, что будет ждать Выдру хоть сто лет и на прощание подарила ему обалденный поцелуй. Словом, все складывалось как нельзя лучше...

Реклама «Битвы деградантов» достала Выдру хуже некуда. Само собой, он не смотрел это преступное шоу, но изображение Варана и вопли Клопски преследовали его на каждом шагу. В Эль-Параисо творилась форменная вакханалия, связанная с «Битвой деградантов» – в ресторанах посетители забывали о еде и питье и пилились в телевизоры; на огромных экранах, расположенных на стенах небоскребов, дикари перегрызали друг другу глотки. По улицам бродили артисты, ряженные в набедренные повязки свистунов – они притворно набрасывались на прохожих дамочек и скалились острыми искусственными клыками. Дамочки орали от ужаса и писали кипятком от восторга. Хуже всего дело обстояло с таксистами. Они все как один не могли заткнуться, перевозя Выдру по городу, и взахлеб рассказывали о том, сколько поставили на последнюю схватку и сколько выиграли. Выигрывали, в сущности, жалкие сотни, а то и десятки кредитов, потому что лидер был очевиден. Все тот же Варан убивал противников одного за другим, все ставили именно на него, и значит, выигрыш был минимален.

В тот вечер, на седьмой день своего пребывания на Ганимеде, Выдра припелся в отель «Гран Перро» около десяти – гораздо раньше, чем обычно. Он наскоро сполоснулся под душем, залпом выпил бокал красной сухой Риохи, со сладостным изнеможением рухнул на диван, и через минуту с удивлением обнаружил, что держит в руке дистанционный пульт и смотрит канал «Солар Тревел ТВ».

Вот что реклама делает даже с нормальными людьми.

Выдра никак не мог отключиться от проклятого шоу – все еще вел собственное расследование, пытаясь проанализировать многочисленные неувязки «Битвы», появившиеся в самом начале, и накапливающиеся по ходу дела во все большем количестве. Первая нелепость, самая простая и примитивная: почему животные бегают в набедренных повязках? Опустим цепь нестыковок промежуточных, и перейдем сразу к последней: почему всех побеждает Варан? С точки зрения владельцев тотализатора это ужасный, провальный ход событий, могущий отпугнуть большую часть игроков. С точки зрения экзобиологии это также малообъяснимо, потому что может означать, что прочие свистуны просто не нападают друг на друга. Только Варан нападает на противников и убивает их, а остальные предпочитают отсиживаться в бездействии, нарушая законы природы, предписанные им профессором Тедом Веллингтоном. Хм, забавно... Забавно для Выдры, но никак не устроителей шоу – для них такая ситуация должна быть катастрофической.

Именно поэтому Выдра включил-таки прямую трансляцию. Он попал на самый конец часового выпуска. Деграданты двигались по экрану, разделенному на фрагменты, а в центре

стоял Урия Клопски собственной персоной – не то чтобы совсем грустный, но и не очень, скажем прямо, веселый.

– Итак, господа зрители, подводим итоги сегодняшнего дня, – сообщил Клопски, без особого энтузиазма взмахнув тростью. – Сегодня не было ни одной схватки. Варан по-прежнему проявляет активность, неумоимо обходит границы своего участка, расширившегося уже почти до 20 квадратных километров, но пока никто из его соперников не рискует вторгаться в чужие владения. Наши научные консультанты утверждают, что это вполне обычно и закономерно – деграданты копят силы, и скоро, очень скоро, буквально завтра мы станем свидетелями новых интересных поединков – я в этом не сомневаюсь. До завтра, господа телезрители! Оставайтесь на канале «Солар Тревел ТВ» – лучшем телеканале в нашей большой вселенной и ее окрестностях!

Выдра и не думал оставаться на гнусном канале – немедленно переключился на новости «CNN». И сразу же снова наткнулся на «Битву деградантов». Точнее, на стороннюю, непредвзятую информацию о шоу.

– Устроители широко разрекламированного реалити-шоу «Битва деградантов» терпят большие убытки, – сообщил комментатор. – Организаторы шоу, в частности, скандально известный Урия Клопски, пытаются сохранить энтузиазм, но больше это похоже на хорошую мину при плохой игре. Еще до начала прямых трансляций экологическое движение «Гринпис» провело на Земле более тридцати протестных акций. «Зеленые» утверждают, что убийство в прямом эфире так называемых новоандских деградантов является прямым нарушением Земного Кодекса. На самом деле не так важно, являются новоандские деграданты людьми или животными-приматами – и то и другое является непосредственной причиной для безоговорочного запрещения данного шоу. Однако шоу не запрещено, и мы знаем почему. Дело в том, что небольшой остров Унисина, находящийся в архипелаге Хуан-Фернандес и принадлежавший ранее Чили, два года назад куплен правительством планеты Ганимед. Теперь на его территории действует юрисдикция Ганимеда и номинально Земной Кодекс на него не распространяется.

Всем нам отлично известны прецеденты жестоких реалити-шоу, где друг друга убивали гиты – животные с планеты Эрти-14. В тех случаях «Зеленые» проявляли минимальную активность – очевидно, гиты настолько безобразны, что не вызывают сочувствия даже со стороны экологов. Впрочем, постараемся быть объективными: гиты – это совсем не люди, про деградантов же такого не скажешь. В настоящее время ведется сразу несколько судебных процессов против «Солар Тревел ТВ». Трансляция шоу «Битва Деградантов» запрещена во многих странах, включая как ортодоксальные Арабские Эмираты, Иран, Ирак и Судан, так и более чем либеральные Германию, Швейцарию, Хорватию и Сингапур. Более того, со вчерашнего дня запрет на прямую трансляцию «Битвы» наложен в латиноамериканских странах, в которых живут индейцы народностей кечуа и аймара – это Боливия, Перу, Бразилия и Чили. Правительства этих стран утверждают, что действия «Солар Тревел ТВ» прямым образом оскорбляют память индейских переселенцев, чья трагедия на планете «Новые Анды» общеизвестна.

На экране появилась дамочка средних лет – в зеленом костюмчике, весьма делового вида. «Анджела Тревис, юрист», – сухо сообщили титры.

– Расчет организаторов шоу «Битва деградантов» очевиден, – заявила юрист Тревис. – По замыслу устроителей, шоу должно быть динамичным и быстротечным, оно займет не более двух-трех недель. В то же время, любое судебное разбирательство против телекомпании будет длиться не менее полугода. Таким образом, никакие законы не смогут прервать это кровавое действо и помешать довести его до конца. Должна также сказать, что шансы выиграть иски против ганимедской корпорации минимальны, потому что с юридической точки шоу продумано и оформлено почти безупречно: имеется акт экспертизы Экологической комиссии ТГУ, в котором черным по белому сказано, что новоандские деграданты – не люди, и даже не разумные существа. Разумеется, этот акт был составлен больше ста лет назад, и является отражением

обстоятельств столетней давности. Тогда он означал только одно – что Земля, переживавшая в то время глобальный финансовый кризис и волну военных конфликтов, не берет на себя обязательства по спасению новоандских переселенцев. Тогда никому не могло придти в голову, что кто-либо и когда-либо станет использовать несчастных мутировавших людей в качестве бойцовых животных. Обстоятельства давно переменились, кризисы, слава богу, миновали, но юридическая зацепка осталась. И телекомпания «Солар Тревел ТВ» удачно ей воспользовалась. Что можно сделать в этой ситуации нам – людям, борющимся за гуманность и ненасилие? Пожалуй, только одно – не смотреть шоу «Битва деградантов» и не участвовать в позорном тотализаторе, позволяющем зарабатывать огромные деньги на страданиях и смерти людей.

Фоном к выступлению юриста шли многолюдные демонстрации. Люди размахивали плакатами и транспарантами – очевидно, протестовали против насилия и бесчеловечности шоу. Выдра покачал головой – он знал суть человеческого социума, гниловатого и падкого на зрелища. Да, миллионы – против, но миллиарды – за. Миллиарды жадно припадают к экранам несколько раз в день, жуют бутерброды и с удовольствием наблюдают, как люди по-настоящему убивают друг друга в прямом эфире. Они ставят бабки в тотализаторе, они играют, они голосуют за ту же самую антигуманность немислимыми суммами, и можно гарантировать, что «Солар Тревел ТВ» в накладе не останется, даже если проиграет все иски, поданные «Зелеными» и правозащитниками.

– Отметим, что самый большой сюрприз был преподнесен не телезрителями, а непосредственными участниками реалити-шоу – новоандскими свистунами, – заявил телекомментатор, снова появившийся на экране. – Сперва все шло так, как планировалось, и за несколько дней произошли четыре схватки со смертельным исходом. Но потом что-то изменилось, и в последние два дня на острове Унисина не произошло ни одного убийства. И это катастрофическим образом рушит сценарий шоу. Если бы на конкурсе «Мисс Вселенная» вдруг оказались сплошь одноногие горбатые старушки, эффект, вероятно, был бы таким же. Трудно сказать, каким образом режиссеры «Битвы деградантов» будут выпутываться из этого положения. Пока рейтинг их падает медленно – месяцы удачной предшествующей рекламы и динамика первых дней держит шоу на плаву. Но если в ближайшие время не произойдет ничего, то трудно сказать, во что это выльется...

Выдра вздохнул с немалым облегчением и выключил телевизор. Похоже, все разрешится само по себе. Даже если на этот раз шоу худо-бедно доведут до конца, то ясно, что устраивать его продолжение не имеет смысла. «Битвы деградантов – 2» не будет.

Вот так-то, господа. Есть бог на небе, и ачачилас тоже есть – в помощь богу. Ачачилас не дремлют, они едят тех, кто живет недостойно, они грызут души бесчестных людишек и превращают их в труху. И Христос доволен этим¹⁰.

* * *

Зазвонил видеофон. Выдра флегматично шлепнул рукой по кнопке ответа и увидел лицо парнишки-портъе с первого этажа. Что там еще такое? Не дадут человеку на отдыхе почитать старый добрый бестселлер «Анна Каренина». За шесть дней Выдра добрался всего лишь до пятнадцатой страницы – вечно его что-то отвлекало.

– Господин Выдра, – сказал портъе, – к вам пришли два джентльмена. Они просят разрешения подняться к вам в номер.

Ну вот, два джентльмена приперлись. С какой стати, интересно? Впрочем, совсем не интересно, ни капельки. Две леди Выдру худо-бедно устроили бы... впрочем, он дал обещание

¹⁰ Для индейцев аймара характерно бытовое смешение католической религии, древней дохристианской системы ритуалов и верований в сверхъестественные силы (alaxpacha, manq'apacha)

быть верным Эмико, ведет почти монашеский образ жизни и поэтому леди тоже не нужны... во всяком случае, сегодня. А два джентльмена – на кой они ляд? Что Выдре с ними делать? И что им делать с Выдрой?

– Что это за люди? – спросил Выдра. – Они выглядят как убийцы? Не ирландцы ли они, не рыжие ли, случаем? Оттопыривают ли полы их черных пиджаков огнестрельные орудия?

– Нет, – ответил парнишка. – Они совсем не рыжие, и практически не похожи на убийц. Это очень обычные и вполне уважаемые господа.

– Ладно, пусть идут, – с грустным вздохом разрешил Выдра.

Он нажал кнопку отбоя, встал, аккуратно положил книгу на высокую стопку нечитанных бестселлеров, подошел к вешалке, снял с нее зеленый махровый халат и накинул на себя. В самом деле, не в трусах же встречать неизвестных уважаемых господ.

Выдра был уверен, что к нему пожаловала Служба элиминации. Она достала его и здесь. Кому еще могло быть дело до пенсионера Уанапаку, кроме них? Сейчас придет пара нудных типов, и начнет старую песенку: «Конечно, мы понимаем, господин Уанапаку, что вы на пенсии, господин Уанапаку, что вы на отдыхе, господин Уанапаку, но лишь суровейшая необходимость вынудила нас, господин Уанапаку, обратиться к вам, господин Уанапаку»... А вот фиг им! Выдра пошлет их на три буквы... нет, он пошлет их на пять букв... нет, пошлет на все буквы и иероглифы всех алфавитов – земных и неземных. Потому что Выдра валяется на диване в своем номере, в отеле «Большая собака» на планете Ганимед, в продажном и веселом городе Эль-Параисо, он ни черта не делает, и именно в этом ничегонеделании состоит его теперешняя суть, его самопознание и самосовершенствование, и его, с позволения сказать, настоящее счастье. Потому что так нужно. Он поработал за свою жизнь достаточно, и если он когда-нибудь снова найдет себе работу, она не будет иметь ничего общего со Службой элиминации. Да-да, вот так категорично. Пожалуй, он станет дизайнером – интерьерным, а может, и ландшафтным. Он будет жить в городе Саппоро, что на острове Хоккайдо, он выучит японский язык, чтобы лучше понимать свою будущую жену Эмико, и будет два раза в неделю играть с ней в бильярд – нормальный, земной, не ганимедский. И у них будут дети – куча, не меньше пяти маленьких красивых полуиндейчиков-полуяпончиков. А лет через семь-восемь, когда все устанет, они с Эмико посетят Боливию, и, конечно, Эмико там понравится, и они останутся в Хуачакалье надолго – возможно, навсегда. Они выстроят большую асьенду¹¹, и будут разводить лам, и готовить папа-ала-уанкайна¹², и ачачилас будут ими довольны, ибо нельзя быть недовольными столь добрыми и счастливыми людьми...

Мечтания Выдры были прерваны настойчивым звонком в дверь. Выдра вернулся к реальности, раздраженно дернул плечами и пошел открывать.

Проходя по коридору, он в очередной раз увидел свое отражение в зеркале – человек среднего возраста, невысокого роста, довольно сбалансированного сложения, с умеренно длинными черными волосами, с узкими глазами и смуглой кожей. В общем, ничего особенного.

Два типа, пришедшие к Выдре в гости, обладали экстраординарной внешностью, и этим весьма удивили Выдру. Парнишка-портье соврал: не были эти господа ни обычными, ни уважаемыми. Выглядели визитеры так, что сразу было понятно – к Службе элиминации они не имеют никакого отношения.

Лучше бы они были рыжими ирландцами, ей-богу. По крайней мере, Выдра знал, как обращаться с ирландцами: кулаком им по морде, ногой по яйцам, и можно возвращаться к прерванным делам, если не помешает какая-нибудь Оса, конечно. А эти двое... Сразу было видно, что ничего хорошего ждать от них не приходится.

¹¹ Hacienda – усадьба, поместье (исп.).

¹² Боливийское блюдо из картофеля и яиц.

– У тебя есть чего-нибудь вмазать, Томас? – спросил первый из парочки, бесцеремонно проходя в гостиную. – Извини, омбре, умотались сегодня за день просто до полной невозможности. Расслабиться надо.

Он был одет в ярко-красную рубашку навывпуск, с белым кружевным воротником на манер жабо – Выдра такие терпеть не мог. Черные атласные брюки незнакомца имели множественные продольные разрезы в самых неожиданных местах – создавалось впечатление, что на парня напал маньяк и располосовал его штаны бритвой. Желтые ботинки из змеиной кожи по длине могли соперничать с мини-лыжами, к тому же острые их носы были окованы полосками из красной меди. Ростом визитер был относительно невысок, куда меньше двух метров, но зеленоватые патлы, вздыбленные лаком-фиксатором, добавляли ему сантиметров десять. В сущности, ничего необычного человек из себя не представлял, в Эль-Параисо подобных ему пижонов было пруд пруди, но вот информацию, полученную от портье, следовало считать крайне недостоверной, а самого портье – недобросовестным, и, вероятно, даже подлым. Знай Выдра, кто пожаловал к нему на самом деле – не пустил бы таких отмороzków в свой номер ни за какие коврижки.

И эта плебейская манера сразу обращаться на ты... И откуда этот хлыщ знает гражданское имя Выдры? Вроде бы Выдра никому здесь не говорил, что его зовут Томас. К чему все это?

– Вмазать? – переспросил Выдра. – Что вы имеете в виду, сеньор?

– Бухло, естественно, – отозвался парень, с размаху шлепаясь в кресло. – А ты что думал – наркоту, что ли? – Парень издал короткое, но энергичное ржание. – Я на работе, Томас, поэтому героина мне не положено, хоть ты тресни, даже самого маленького дозняка не положено. Давай-ка дерябнем за знакомство – просто и незатейливо. Лучше чего покрепче – виски или коньяка. Ну и пару ломтиков лайма, само собой, на закуску. Хотя от ветчины я бы тоже, признаюсь, не отказался – убегался в течение этого почти невыносимого дня, проголодался, омбре.

– Я не пью алкоголь, – скромно сообщил Выдра.

– Да ладно, кому ты мозги пудришь? – визитер вальяжно махнул рукой. – Только несколько дней назад ты надрался в хлам в бильярдном клубе «Ихо дель пута», да еще и избил там человек двадцать до полусмерти. Знаем мы тебя, Томас Уанапаку. Знаем, на что ты способен. Давай вмажем, заодно и познакомимся.

– Во-первых, спиртное в баре, – сухо сообщил Выдра. – Во-вторых, платить за него будешь ты, потому что я со времени дурацкого побоища в бильярдной не пью ничего крепче минералки. В третьих, если твой компаньон так и будет торчать в прихожей, я выкину его из номера – не люблю, когда перекрывают выходы. И в-четвертых: вы скажете, в конце концов, кто вы такие и что вы тут делаете?

– Марко, иди сюда! – крикнул зеленоволосый, ныряя головой в бар. – Клиент нервничает, нечего там стену подпирать. К тому же здесь куча нормального непочатого бухла! Даже мескаль есть – настоящий, земной, с червяком! Рули сюда, малыш Марко!

Второй посетитель – по имени, как выяснилось, Марко, – аккуратно снял ботинки, поставил их на обувную полку, подошел к Выдре и протянул руку. Его рука была раза в два больше, чем костлявая лапка Выдры. Да и сам Марко был по размерам в два раза больше Выдры – если не в высоту, то в ширину точно.

– Извини, дружище Томас, – пробасил гость, почему-то смущаясь и отводя взгляд в сторону. – Ты того-этого, не обращай внимания на Никласа, он у нас того-этого, шустрый до невозможности, работа у него такая. А так он неплохой, только шустрый. И я хороший, только вот работа нас задолбала, некогда вздохнуть, посидеть некогда, покушать душевно нет времени, а уж про то, чтоб выпить, того-этого, даже мечтать не приходится. Пойдем, Томас, посидим, вмажем, а там уж заодно, того-этого, и поговорим. Думаю, договоримся...

Марко, переваливаясь с ноги на ногу со слоновьей грацией, отправился в гостиную. Выдра озадаченно посмотрел ему вслед. Сходство со своим невежливым компаньоном Марко имел только одно – патлы его были выкрашены в точно такой же оттенок осенней травы и точно так же стояли дыбом. В остальном гигант отличался от Никласа всем – он был одет никак не в красную рубашку, но в сетчатое подобие гимнастического трико, туго обтягивающее широченные плечи, объемные бицепсы и внушительный шарообразный живот. На груди и спине Марко росли темные волосы – курчавились, беззастенчиво лезли через бесчисленные отверстия трико. На штанах второго визитера, к счастью, не было разрезов – это были вполне обычные бриджи размера XXXL, открывающие невероятно могучие икры, покрытые все той же южной растительностью, и полосатые носки, обтягивающие крепчайшие лодыжки – носки достаточно чистые и даже новые с виду. На левой ноге болтался толстый золотой браслет, усыпанный бриллиантами – скорее всего фальшивыми, потому что, будь они настоящими, стоимость такой ножной безделушки могла зашкалить за миллион кредитов.

И еще – у Марко была длинная борода, заплетенная в косицы. Точь-в-точь как у Урии Клопски, только не желтая, а иссиня-черная.

При всем своем жизненном опыте Выдра никак не мог определить, к какому виду людей относится сия экстравагантная парочка, умирающая от желания вмазать. Пожалуй, их можно было отнести к бродячим клоунам. Да, такая профессия подходила им больше всего.

– Эй, омбрес, вы кто? – произнес Выдра, входя в гостиную. – Вы бродячие артисты, да? Вы в дороге день за днем?

– А вот этого не надо! – надменно крикнул Никлас, набулькивая в бокалы дорогуший, настоящий французский коньяк (Марко в это время неумело кромсал ножом лайм, руки его заметно тряслись). – Мы богатые ребята – так и знай, Томас Уанапаку! Денег у нас море, мы можем купить с потрохами этот дурацкий отель, и вообще половину дурацкого Эль-Параисо. Но нам это не надо, дружище Томас, нам нужен только ты!

– И зачем же я вам нужен? – спросил Выдра, начиная терзаться мрачными предчувствиями.

Наверное, эти придурки откуда-то прознали, что он – бывший элиминатор. Откуда? Скорее всего Оса, дрянь такая, проболталась. И теперь они предложат ему убить кого-нибудь. И он, само собой, откажется, а они начнут угрожать ему, и он немедленно вызовет полицию – не дай бог самому запачкать о них руки, век потом не отмоешься, не докажешь, что покалечил их в порядке самообороны. И, черт возьми, отдых в Эль-Параисо все-таки будет безнадежно испорчен: пара месяцев судебных разбирательств с этими паяцами гарантирована, прежде чем их упекут за решетку. Что за судьба злосчастная?

– За бывших элиминаторов! За тебя, лесоруб Выдра! – Никлас произнес тост, поднял бокал и звонко чокнулся с бокалом Марко. После чего непрошеные гости осушили посуду с хлюпаньем, с вытаращенными от удовольствия глазами, закинули в пасти по изрядному куску лайма и зажмурились от удовольствия.

Складывалось впечатление, что этих парней держат на голодном и сухом пайке уже неделю – не кормят и тем более не поят. Эх, дать бы им по лбу – прямо сейчас, зажмуренным, чтобы не разожмурились никогда больше, и выкинуть в окно прямо отсюда – с пятьдесят восьмого этажа.

По Земному Кодексу публичное заявление о принадлежности человека к Службе элиминации являлось разглашением государственной тайны и преступлением четвертой степени. Но здесь, на Ганимеде, были свои законы. Поэтому не следовало торопиться. Стоило разобраться, прежде чем вызывать местных полисменов и терпеливо объяснять им, туповатым, в чем суть дела.

– Никакой я не бывший элиминатор, – сухо сказал Выдра. – Ошибочка у вас вышла, господа. Поэтому убирайтесь отсюда, пока я не подал на вас в суд. Вы прекрасно знаете, каким образом можете ответить за такие слова.

– О нет, не горячись, Томас! – воскликнул Никлас, беззастенчиво наливая по второму фужеру коньяка. – Конечно же, мы знаем, как жестоко можем быть наказаны за разглашение тайны, и не менее хорошо знаем, что ты – все-таки бывший лесоруб, элиминатор, профессиональный убийца. И если ты думаешь, что сию страшную тайну выдала нам твоя бывшая подружка Амаранта Гуарачи, то ошибаешься снова. То, что нам нужно, мы можем узнать без малейших проблем, потому что у нас есть связи и деньги. У нас много денег, и именно они определяют связи – какие же связи без денег? Ты согласен, омбре? Кому нужны связи, не подкрепленные деньгами? Нормальные, хорошие связи – это отношения с людьми, которые презрели дурацкие атавизмы и осознали цену каждого своего поступка, выраженную в денежном эквиваленте. Денежки решают буквально все в этом продажном, но таком славном, таком удобном и комфортабельном мире.

– Вон отсюда, – прошипел Выдра, сжимая в ярости кулаки. – Вон отсюда, немедленно! Люди устроены по-разному. Ищите тех, кто вам подходит. Я не такой.

– Не, ну ты подожди, Томас, – прогудел слоноподобный Марко. – Ты, того-этого, еще не выслушал, о чем мы тут хотели сказать, а уже посылаешь нас далеко, грубо и некрасиво. А ведь ты даже не знаешь, кто мы такие, и какую работенку хотим тебе предложить. А ведь мы хорошие ребята, очень хорошие, и работку тебе предложим совсем небольшую и нетрудную, а заплатим тебе за нее целых три лимона. Три миллиона кредитов – согласись, они, того-этого, просто так на дороге не валяются...

– Кто вы такие? – перебил его Выдра. – Вы бандиты?

– Опять не угадал, – сказал Никлас, достал из кармана визитную карточку и протянул ее Выдре.

«Никлас Тром, компания «Солар Тревел ТВ», менеджер», – значилось там.

– Вот оно что, – хмыкнул Выдра. – Значит, вы телевизионщики.

– Точно, – Никлас и Марко синхронно кивнули головами.

– Ну и какое дело у вас ко мне?

– Ты, конечно, смотришь наше шоу?

– Какое шоу?

– Как какое? «Битва деградантов»!

– Не смотрю я ничего такого. Вообще телевизор не смотрю.

– Ладно заливать... Все смотрят наше великое, лучшее во вселенной шоу, и ты тоже. И ты, конечно, в курсе наших неприятностей. Ты уже знаешь, что наши животные ведут себя неправильно.

– Ничего я не знаю.

– Наши зверские, наши ужасные животные не хотят убивать друг друга. Они обленились вконец и портят нам весь праздник.

– Какие они животные?! – взорвался Выдра. – Это люди, самые настоящие люди! И вообще, я не понимаю, как они могут вести себя «правильно»! По мере того, как свистуны убивают друг друга, у каждого из них увеличивается территория обитания, и они должны перестать нападать на себе подобных. О чем вы думали?

– То, о чем ты говоришь, не проблема, – заявил Никлас. – Знаешь, омбре, у любых производителей реальных шоу есть нехитрые, наработанные уловки, особенно если это касается шоу с участием животных. Во-первых, смею тебя заверить, что новоандские свистуны – именно животные, они абсолютно не способны к разумной деятельности, и действия их определяются примитивными рефлексам. Согнать деграданта с насиженного места – легче легкого. На то место, куда нам нужно, мы прыскаем аттрактив – аромат, пардон, потовыделений самки, и

самец идет в нужном нам направлении, не осознавая, что делает. Там он натывается на другого самца, привлеченного тем же запахом. Они дерутся, лупят друг дружку до смерти. Вот и все дела.

– И что? Если у вас есть уловки, зачем вы пришли сюда?

– Свистуны перестали реагировать на аттрактив. Они вообще ни на что не реагируют. Сидят, сволочи, на своих деревьях и жрут фрукты. Животы отъедают, фактуру свою дикую портят. Такое впечатление, что они над нами издеваются.

– И после этого ты мне говоришь, что они примитивные животные? Они умнее вас!

– Уроды они. Шоу нужно спасать.

– Ну и спасайте. Я тут при чем?

– Ты его и будешь спасать.

– Я? – Выдра сделал вид, что удивился. – И каким же образом?

– Ты подходишь по фактуре, Томас. Ты смахиваешь на деграданта один к одному.

– Спасибо за комплимент, – буркнул Выдра.

– Нет, правда, чего обижаться? Они индейцы, и ты тоже. Зубки и глазки, конечно, у тебя не такие эффектные, как у них, но это мы поправим элементарно, компьютерной графикой, прямо по ходу действия. У нас вообще полно спецэффектов – сам понимаешь, деграданты там безо всяких повязок бегают, прямо голяком, все эти их юбочки нарисованы...

– Не отвлекайся, – перебил его Выдра. – Ну, загранице вы меня под деграданта, а дальше что?

– Все очень просто. Мы высаживаем тебя на нашем острове, прямо на территорию одной из этих обезьян – скажем, к самцу по кличке Молот. Ты убиваешь Молота – естественно, мы это не показываем, – и занимаешь его место. Теперь ты сам становишься Молотом, деградантом. А дальше каждый день убиваешь по одному свистуну. Шоу оживает, зрители в экстазе, денюжки текут рекой, и три миллиона кредитов из них твои – в чистом виде, без налогов.

– Ты думаешь, я смогу справиться с деградантом? Видел я как они дерутся, и мне это не понравилось. У них нечеловеческая скорость.

– Это, оно конечно, дело нелегкое, – встрял в разговор Марко. – Но, с одной стороны, ты у нас, того-этого, боец экстра-класса, профессионал. А с другой стороны, мы тебе поможем, организуем все как надо. За час до боя тому деграданту, которому очередь с тобой драться, вкают в мышцу специальный препарат, и станет зверь медленным – ну, конечно, не как черепаха, но хотя бы как нормальный человек. После этого ты выйдешь из него требуху без труда.

– Понятно... Мухлюете вы, значит, ребята, на своем как-бы-реалити-шоу безо всякой совести.

– А куда же без этого? – хохотнул Никлас. – Все мухлюют, между прочим, не одни мы, таков закон жанра. Зато прикинь, как классно у нас получится, если мы выдержим весь сценарий.

– И какой же у вас сценарий?

– Все продумано до мелочей. Сейчас на острове осталось восемь зверюг, и, стало быть, тебе ровно на семь дней работы. Ты мочишь обезьян одну за другой, ты безусловный лидер, можно сказать, герой, все делают ставки на тебя. И в последний, заключительный день ты наконец-то встречаешься с последним оставшимся в живых – само собой, с Вараном. Представляешь, какой ажиотаж у публики будет, какие бабки хлынут в тотализатор! Можно не сомневаться, что процентов восемьдесят поставят на твой выигрыш. А тут – раз, хлоп, и все наоборот – Варан тебя убивает! Супер! – Никлас в экстазе вскочил с кресла и совершил пару прыжков, изображая дикарский танец. – Что мы имеем в итоге? В итоге мы имеем победителя – настоящего новоандского свистуна! Мы лечим его принародно и пытаемся превратить в человека, как и было обещано зрителям. А тебя, фальшивого деграданта, уже нету, твое тело лежит в сырой земле, его едят черви. Все шито-крыто, никто никогда ничего не узнает, шоу спасено! Вау!

– Уфф, – Выдра вытер лоб, от энтузиазма Никласа его бросило в пот. – Ну нагородил ты, парень. Убить меня, значит, собрался? И на кой же ляд тогда мне эти три миллиона будут?

– Да ты что, всерьез это принял? – Никлас патетически воздел руки к потолку. – Само собой, ты останешься цел-целехонек, волоса с твоей головы не упадет. Больше того тебе скажу: с Вараном ты вообще на острове не встретишься, потому что он зверь действительно опасный, практически неконтролируемый, и мы тебя от него убережем. И схватка твоя с ним будет полной подставой – в ней будет участвовать обычный деградант, у нас их в запасе полно, просто приисуем ему нужное личико. А ты во время финальной схватки будешь уже сидеть дома, попивать кофе и смотреть трансляцию по телевизору. Твоя работа к тому времени закончится. Здорово?

– Вот, значит, как, – Выдра поднялся на ноги и в задумчивости зашагал по комнате. – Все вы просчитали, распланировали и предусмотрели.

– А ты как думал? – воскликнул Никлас, наливая очередную порцию коньяка. – Мы – фирма серьезная, у нас лучшие умы работают, самые крутые специалисты. Кстати, с самим Клопски на съемках познакомишься, одно это многого стоит! Ты не представляешь, какой он мировой мужик, какой прикольный по жизни. Как шутку пошутит – все просто валяются...

– В вашем плане есть большой просчет, – произнес Выдра, не обращая внимания на словопоток Никласа. – И из-за него этот план не работает...

– Какой еще просчет? Все там отлично!

– Есть просчет. Я в этом деле участвовать не буду, и поэтому план ваш – дерьмо. И шоу ваше – дерьмо. И телекомпания ваша – дерьмо из дерьма. А я – человек чистоплотный, даже брезгливый...

– Да ты что? – крикнул Никлас, вмиг побледнев и осунувшись лицом. – Мы же с тобой все обсудили, ты все вроде бы понял, ты же, типа, давно уже согласился. Денег тебе за это дело мало – так сразу и скажи. Ну так бабки – не проблема, ты только назови сумму. Ты с самим Клопски поговори, он мужик не жадный, он тебе пять лимонов отвалит, а то и семь, всю жизнь будешь как сыр в масле кататься! Нет, ну ты подумай...

– Я давно уже подумал и все решил, – напряженно произнес Выдра. – Я и вправду бывший элиминатор, и если ты, клоун, думаешь, что лесорубы – безмозглые кровожадные убийцы, то глубоко ошибаешься. Элиминатор – страшная профессия, и выдержать такую работу, остаться при таких обстоятельствах человеком могут только люди, обладающие особыми этическими принципами. Элиминаторы не хуже прочих людей, более того – они лучше их. Да, я наблюдаю за вашими выкрутасами, за вашим свинским шоу, и давно уже пришел к мнению, что единственное, чего вы заслуживаете – это элиминации. Но, к сожалению, вы все обставили так, что на ваши преступные действия не распространяется Земной Кодекс. Поэтому все, что мне остается – присоединиться к миллионам честных людей, не смотреть ваш грязный спектакль, и ждать, что когда-нибудь вас настигнет справедливое возмездие.

– Да ты ненормальный! – заявил Никлас. – Ты шизик, омбре. Думаешь, что те, кто правит вами на Земле – беспорочные ангелы, херувимы с крылышками? Черта с два! Они так же любят деньги, как и остальные нормальные люди, они готовы продать за большие бабки все что угодно – хоть трансляцию на сомнительное шоу, хоть чилийский остров, хоть маму родную...

– Я не хочу ничего знать об этом. И еще раз повторяю – не желаю иметь с вами ничего общего. Убирайтесь отсюда немедленно.

– Ясно. – Никлас поскреб пальцами в затылке. – Жаль, что у нас не получилось. Надеюсь, тебе не придется в голову болтать кому-либо о том, что ты сегодня услышал? Сам понимаешь, с каждым человеком может случиться несчастный случай со смертельным исходом...

– Надеюсь, в ваши зеленопатлые головы не придет дурацкая мысль проболтаться хоть одной живой душе о том, что я бывший лесоруб, – перебил его Выдра. – Потому что у Службы

элиминации есть способы защиты своих бывших работников – весьма эффективные, смею заметить.

– Ладно, мы друг друга поняли. На этом и разойдемся, – Никлас примирительно протянул руку, но Выдра сделал вид, что не заметил ее. – Чао, Выдра. Будь здоров, береги себя...

Парочка ретировалась, но намного легче Выдре не стало. Он чувствовал себя так, словно упал лицом в большую навозную кучу.

Глава 5

До Выдры наконец-то дошло, что делать ему на Ганимеде, в сущности, больше нечего. Он нашел Эмико – девушку, подходящую ему по всем параметрам, и, кажется, даже влюбился в нее, а она улетела на Землю. Он попробовал прожить жизнь подобно прочим обитателям Эль-Параисо, но обнаружил, что это ему абсолютно неинтересно. Здесь, на чужой планете, не нашлось почти ничего такого, что разительно отличалось от земного, привычного Выдре. Более того – Томас затосковал по Земле, по нормальному притяжению, по чистому природному воздуху, по естественному солнечному свету. Да еще эти наглые телевизионщики вконец испортили настроение...

Пожалуй, не стоило откладывать намеченный Выдрой план. Путь Выдры лежал в Японию – там ждала его Эмико, девушка с чудесным нежным голосом.

Выдра решительно приступил к действиям. Он связался с Эмико и убедился, что все, что произошло между ними – не сказка, не иллюзии, а реальность. Эмико прыгала от радости, весело щебетала о том, что она не сомневалась, что так все и будет – что он, милый Выдра, не вытерпит долго, удерет из душного Эль-Параисо и примчится к ней в славный, очень красивый город Саппоро. Потом Выдра заказал билеты на ближайший свободный рейс к Земле – к сожалению, не на завтра, а через два дня. И наконец, с чувством исполненного долга вышел прогуляться на улицу.

Он был уверен, что беды его закончились. Увы, на этот раз интуиция подвела Выдру. Впереди его ждали новые неприятности.

Выдра не спеша шествовал по бульвару Рамблас Космикас, снисходительно поглядывая на веселящийся народ. Здесь происходило нечто вроде бразильского карнавала, и трудно было оставаться не втянутым в бурлящий водоворот страсти, электризующий воздух и кружащий голову. По улице медленно катились огромные платформы с воздвинутыми на них немислимыми конструкциями, среди которых были тигры размером с грузовик, египетские пирамиды, водопады, статуи богов и великих людей и нечто совершенно немислимое по форме и буйству красок, напоминающее торты пятнадцатиметровой высоты. Прожектора разрезали пространство яркими разноцветными лучами. Сотни барабанщиков выбивали ритм, тысячи почти обнаженных красок, украшенных перьями на манер райских птиц, танцевали среди фейерверков и огней, заодно крутили загорелыми ягодицами, трясли крепкими грудями, выплясывая самбу. Выдра немедленно ощутил очередной приступ ностальгии по Земле – ему не раз приходилось бывать в Рио-де-Жанейро в самый разгар февральской карнавальная недели. Впрочем, в здешнем представлении явно проглядывала ганимедская специфика – использовалось то, что сила тяжести намного меньше земной. Движущиеся конструкции превышали земные аналоги метров на десять, на верхушках их располагались батуты, и акробаты взмывали с них в воздух, выписывая фантастические пируэты. Марионетки двадцатиметровой высоты, изображающие скелеты, и пиратов, и инопланетян, и динозавров, брели между танцующих и перешагивали их длинными ногами, и умудрялись при этом не рушиться на землю. В общем, как говорится, было на что посмотреть.

– Эй, красавчик, пойдем со мной!

Кто-то дернул Выдру за рукав. Выдра обернулся и оказался лицом к лицу с цыганкой. Точнее, лицом к маске – лицо девушки, нарядившейся цыганкой, закрывала бабочка, вырезанная из толстой розовой фольги. Ничего удивительного, впрочем, в этом не было – большинство людей, находящихся в этот момент на бульваре, были ряжеными в карнавальных масках.

– Куда пойдем? – осведомился Выдра.

– Пойдем, пойдем! Не пожалеешь! Я тебе погадаю, денег не возьму, всю правду тебе расскажу, омбре, красавчик! Всю судьбу тебе открою!

Цыганка двинулась вдоль по улице, намертво вцепившись в рукав Выдры. Выдре оставалось лишь последовать за резвой девицей – не рукава же, в самом деле, лишаться. Да и бабенка, кажется, была что надо – шелковистые черные волосы, ладная фигурка, легкая походка... Сейчас разберемся, что ей нужно.

Через пару сотен шагов цыганка свернула налево, затащила Выдру в маленький садик, напоминающий изобилием тропических растений оранжерею, и прикрыла за собой чугунную узорную калитку. Звуки карнавала сразу стихли – похоже, двор имел силовой экран, отделяющий его от улицы. Девица встала, оперев руки в боки и спросила:

– Ну, ты готов, красавчик?

– Смотря к чему. Хотя, какая разница? Готов практически ко всему.

– Отлично! – радостно воскликнула девица и коротко, без размаха въехала Выдре кулаком поддых.

Выдра согнулся, сделал три шага назад и уперся спиной в каменную стену дворика. Дышать было трудно, но ничего, терпимо. Могло быть и хуже.

Будь эта бабенка обычной, она никогда не попала бы по Выдре – он без труда перехватил бы ее руку или просто увернулся. Из знакомых Выдре женщин только одна обладала такой скоростью удара, черт бы ее побрал.

– Амаранта, ты меня достала, – прохрипел Выдра. – Почему ты не оставишь меня в покое? Что тебе от меня нужно?

– У меня к тебе точно такой же вопрос, – холодно заявила Оса, стягивая маску с лица. – Зачем ты приперся в Эль-Параисо? Почему преследуешь меня? Меня приговорили к элиминации, да? Говори честно.

– Все-таки у тебя крыша поехала. Я же сказал, что уволился и приехал сюда отдыхать. Просто отдыхать, понимаешь? К тому же через два дня я улетаю на Землю – на Ганимеде меня все достало, и ты, психопатка, в особенности.

– Не верю! – яростно прошипела Оса. – Вы, лесорубы – лживые твари, нельзя верить ни одному вашему слову! У вас есть только ваша гребаная работа, ваш гребаный кодекс, ваше гребаное подчинение приказу, и ради выполнения задачи вы не только любому человеку – самому богу мозги запудрите. За что на меня взъелась Служба? Из-за того провала в Хуачакалье, да? Они до сих пор не могут меня простить? Пересмотрели мое дело и переписали приговор? Жаль, что тебя тогда не убили, Выдра. Жаль, что Валькарсель не прикончил тебя – я бы нашла способ, как выкрутиться. Свалила бы все на тебя – какой спрос с мертвых?

– Почему ты меня тогда подставила? Почему? Ты сделала кучу идиотских ошибок. Я до сих пор не могу поверить, что такой профессионал, как ты, мог так по-дурацки напортачить.

– Именно потому, что подставила. Все было сделано правильно, отлично продумано и просчитано. Я не думала, что ты сумеешь вывернуться. Но ты выжил, ты даже умудрился завалять Валькарселя. Я недооценила твой автоматизм, Уанапаку. Ты не человек, ты стреляющая машина, бесчувственный робот. Тогда я надеялась, что в тебе осталось больше человеческого.

– Во мне больше человеческого, чем в тебе, дрянь! – крикнул Выдра. – Да, я был элиминатором первого класса, но это не значит, что у меня нет чувств! Работа есть работа, жизнь есть жизнь! Где ты потеряла остатки совести, Амаранта? Что заставило тебя это сделать? Да, многие в Службе тебя не любили, но ты сама была виновата в этом – отпугивала нормальных людей своим высокомерием и цинизмом. Почему ты пошла на предательство? Почему предала именно меня – единственного, кто понимал тебя, кто относился к тебе по-доброму?

– Ты – по-доброму?! – взвизгнула Оса. – Ты помнишь мясорубку в Кочабамбе? Нас послали на элиминацию вчетвером, и что получилось? Всю работу пришлось делать нам с тобой вдвоем! Причем, в основном мне, потому что ты умудрился получить дырищу в ногу и отрубился...

Выдра помнил. Тогда они разбирались с Нуньесом Рохо и его бандой из тринадцати человек. Главным в группе был Пол Вуттон, агент из Нью-Йорка. Вуттона убили в первую же минуту, агента Элиодоро – через четверть часа, а когда бандитов оставалось еще семеро, Выдра получил серьезное ранение и потерял сознание.

– Я все помню, Амаранта, – глухо произнес Выдра. – Помню не хуже тебя, такое не забывается. К чему ты мне это рассказываешь?

– А потому что в конечном счете я оказалась виновата во всей этой херне! На меня спустили всех собак, обвинили во всех просчетах. Почему меня, а не зазнайку Вуттона, не неумеху Элиодоро, не тебя, в конце концов? Только потому, что тебя ранили, их убили, а я осталась целой? Я была второстепенным членом в группе, а отвечать за все пришлось мне. Это что, потвоему – нормально, справедливо?

– Амаранта, Амаранта... – Выдра удрученно покачал головой. – Мы давно обсудили эту ситуацию, зачем снова возвращаться к ней? Ты знаешь, что в группе не бывает второстепенных участников, каждый человек выполняет свою задачу. И когда он выполняет ее правильно, не бывает сбоев и тем более провалов. Началось именно с того, что ты сделала все не так, как надо. Тебе было предписано выстрелить парализующими в охранников у входа и отойти вправо по стене. А ты что сделала, каратистка? Начала с ними драться, вот что. Покрасоваться тебе, видите ли, захотелось.

– Я бы сняла их без проблем и без шума, – буркнула Оса. – Пол не дал мне закончить. Он зачем-то побежал мне на помощь. Тут его и шлепнули.

– Он побежал тогда, когда твоя разборка с охраной перевалила аж за двадцать секунд. К этому времени сработала сигнализация и все пошло кувырком. Куда было деваться Полу – только надеяться, что повезет. Не повезло... Кстати, не такой он уж был и зазнайка, вполне нормальный мужик, старый только. Если бы не ты, он внуков бы сейчас нянчил...

Выдра болезненно передернул плечами – вспомнил, как ужасно тогда все пошло. В асьенде Рохо находилось три десятка человек, и только четырнадцать из них, включая самого Нуньеса, подлежали элиминации. Убивать остальных было нельзя – только обездвигить в случае необходимости парализующими зарядами. На то и существует элиминация – чистая работа, не чета грубой разрушительной атаке спецназа. Если бы Оса сработала правильно, они вчетвером прошли бы по двум этажам особняка бесшумно и молниеносно, за пять минут уложили всех присутствующих в спячку, умертвили тех, кто приговорен законом к смерти, и покинули место без эксцессов, как и положено нормальным профессионалам. Увы, один из охранников, вовремя не снятых Осой, успел включить сигнал тревоги. И чистая элиминация превратилась в грязное побоище с применением всех видов оружия. Пола и Элиодоро убили. Все четырнадцать приговоренных, само собой, умерли, но кроме них погибли восемь человек из тех, кого убивать не следовало. Большинство остальных были ранены и покалечены – в основном стараниями все той же охочей до крови Осы. Нет, что ни говорите, а хорошей работой такое не назовешь.

– Ну да, лоханулась я тогда! – крикнула Оса. – Облажалась, с кем такого не бывает? И что, это повод, чтобы меня бросать? Меня заклевали тогда, затравили, гребаный шеф мне проходу не давал, мне нужна была моральная поддержка, да что там моральная, дружеская поддержка мне нужна была! А что сделал ты, единственный мой друг-дружочек? Ты бросил меня, сволочь, вот что ты сделал! Катись, мол, подальше, Оса, разбирайся сама в своих проблемах, а я умываю руки, и отмазывать тебя перед шефом не буду, и даже утешать не буду, и более того – пошла вон из моей постели и из моей жизни, потому что мне важнее работа, карьера и незапятнанная репутация...

Выдра терпеливо молчал. Он мог бы сказать много правдивых слов о том, что на самом деле он провалялся тогда в госпитале месяц, и едва не отправился на тот свет, а когда вышел, прихрамывая и опираясь на палочку, то пытался оправдать Гуарачи перед начальством как мог.

Если бы не его вмешательство, Оса загремела бы под трибунал. Что же касается утешения... Наверное, Выдра был не самым лучшим утешителем, но все же он сделал все, чтобы пробиться через кору ненависти, толстым слоем покрывающую душу Амаранты. Бесполезно, она не оставила ему ни малейшей лазейки – закрылась в своей раковине подобно раку-отшельнику и загродила вход клешней. Она по-прежнему считала себя совершенством, незаслуженно обиженным чудом света, а всех прочих людей – недоумками и ничтожествами.

Карьера и работа были тут не причем. Просто в один из отвратительных, наполненных криками и грязными ругательствами вечеров Выдра решил, что с него довольно. Понял, что Амаранту уже не переделаешь, и единственный способ выжить – это уйти. И он ушел.

Сейчас происходило то, что происходило в жизни Томаса уже десятки раз – Амаранта истерично орала, объясняя ему, какая он сволочь, и козел, и гад, а он стоял молча и изнывал от желания оказаться от Осы на расстоянии пять миллионов километров, а то и подальше. Он мог бы сказать какие-то слова, но Оса была не из тех людей, которые умеют слушать. Такие люди не понимают, что им говорят, если то, что они слышат, не совпадает с их собственным мнением.

– И что, ты решила меня убить именно тогда? – спросил он.

– Не сразу. Тогда я еще не до конца понимала, в какое дерьмо из-за тебя вляпалась. Но впереди у меня был целый год, чтобы осознать это. На целый год меня лишили работы. Ты знаешь, что это такое? Не знаешь, потому что работы у тебя всегда было навалом, и денег, соответственно, тоже. А я оказалась в заднице, на год меня перевели простым тренером в чертову дыру Оруро, и ты вздохнул с облегчением, потому что я исчезла с твоих глаз долой. Целый год я тренировала недоносков – кандидатов в Службу, и получала за это всего сто кредитов в неделю. Я жила как нищая, не могла позволить себе ничего лишнего, а ты рубил бешеные бабки на самых сложных заказах, мотался по всему миру, оттягивался со шлюхами в Париже, Рио и Мадриде, и в голову тебе не приходило поинтересоваться, как живет твоя бывшая любовница, и не сдохла ли она с голоду...

Зависть, вот что это такое, подумал Выдра. Обычная примитивная зависть, *unisina* – то, что не дает человеку стать спокойным и умным, то, что грызет его душу и раскрашивает все, что он видит, в самые отвратительные и мрачные цвета. Денег, заработанных Осой за годы до событий в Кочабамбе, должно было хватить для безбедного существования не то что на год – лет на двадцать. Между профессиями наемного убийцы и элиминатора существует одно сходство – то и другое щедро оплачивается, и работа сдельная. Осе здорово повезло в тех обстоятельствах – ее не посадили в тюрьму, даже не уволили из Службы. Ей нужно было всего лишь пересидеть, переждать год, и научиться за это время быть мудрее и спокойнее. А она шла на поводу у зависти и копила в себе злобу.

Жаль, что Выдра этого не знал. Он действительно был сильно занят весь год – брал международные заказы, чтобы поехать по свету, посмотреть на другие страны, сменить обстановку и привести в порядок нервную систему. Если бы Томас знал, что Оса решила, что именно он, Выдра – причина всех ее несчастий, то ни за что не согласился бы идти с ней в одной группе на операцию.

А он согласился. Оса сама предложила ему возглавить группу по элиминации Валькарселя. Она выглядела довольной, отдохнувшей, веселой, и даже счастливой, и уболтала Выдру. Томас согласился и здорово нарвался.

Вылилось все в то же самое – безобразный бой вместо благородного акта элиминации. Наркоторговец Валькарсель, как и приснопамятный Нуньес, владел неплохо укрепленной асьендой, в его охране было немало людей, поэтому пришлось послать группу из трех лесорубов. Старшим был, само собой, Выдра, а с ним – Оса и молоденький метис Педро Урта из Тринидада. Валькарселя все-таки элиминировали, и сделал это лично Выдра, и никто из группы не погиб, хотя стоило это Выдре нечеловеческих усилий. Осу после операции признали профнепригодной и уволили из Службы – на этот раз Выдра не заступался за нее, настолько все было

очевидно. Он был дико зол – и на Осу, потому что она напортачила бездарно и бессовестно, и на себя, потому что второй раз наступил на те же грабли и пошел с Осой в одной группе. Но никогда, даже в самых мрачных предположениях, он не мог подумать, что Амаранта подставила его нарочно. Потому что лесорубы не предают друг друга. Потому что, случись вдруг такое, лесоруб-предатель подлежит немедленной элиминации – не прожить ему и пары часов...

– Только не говори, что ты связалась с Валькарселем и рассказала ему, что он приговорен к элиминации, – попросил Выдра едва ли не умоляющим тоном. Ему все еще хотелось верить если не в хороший, то хотя бы нейтральный выход из ситуации.

– Именно так все и было. Я вышла на жирного урода Валькарселя, и выложила ему все, что знала. Договорилась, что прикончат тебя и Урту, и что не тронут меня. И еще мы спланировали, что вся асьенда взлетит на воздух, взорвется к чертовой матери. Все сгорит, и мы с Валькарселем – якобы тоже. Валькарсель должен был отвалить мне за успешный исход дела кучу бабок, после этого мы с ним исчезли бы навсегда. У меня уже был готов паспорт на другую фамилию, меня ждало хорошее местечко в Мексике, но ты испортил нам мессу, Выдра. Ты изгадил все. Ты оказался слишком хорош.

Выдра помотал головой, потер виски руками. Да, дела... Теперь понятно, почему Оса так психует. Она решила, что обстоятельства той операции все-таки прояснились, и Служба выписала ей путевку на тот свет – срока давности при этом виде преступлений не существует. И что сейчас делать ему, Выдре? Доложить обстоятельства Службе? Тогда Осу приговорят к элиминации, прикончат ее в ближайшее время, и все проблемы исчезнут. По закону гражданин Уанапаку должен сделать именно так...

– Амаранта, позволь мне сказать несколько важных вещей, – произнес Выдра, стараясь говорить спокойно. – В реальности все обстоит так: Служба давно забыла о тебе, в подробностях операции в Хуачакалье никто заново не копался, Валькарсель сгнил в земле и не расскажет ничего никому и никогда. Ты напрасно напомнила мне эту историю, Амаранта, зря раскололась. Теоретически, сейчас я мог бы сдать тебя Службе, и ты знаешь, чем бы это закончилось. Но это только теоретически. Потому что когда-то я любил тебя, и хорошо к тебе относился, действительно хорошо, и жил с тобой, и думал, что ты можешь исправиться, и стать добрым человеком. Кажется, ты забыла все о лесорубах, Амаранта, и заменила истинное представление о них ложным, придуманным самой тобой. Ты забыла наши этические принципы. Лесорубы жестки, но не жестоки, они соблюдают корпоративную солидарность, но не ставят ее выше чести и справедливости. Тебя выгнали из Службы не потому, что Служба злая и бесчеловечная – напротив, ты была слишком злой и бесчеловечной для того, чтобы быть элиминатором. Если бы я был действующим лесорубом, у меня был бы повод для раздумий. Но я на пенсии, поэтому у меня нет ни малейших сомнений: доносить на тебя я не буду. Проклятое прошлое ушло, пусть оно забудется. Живи с миром, Амаранта, и постарайся помнить об ачачилас. Я тебя простил, но они не простят, если ты не переменишься к лучшему. Сейчас я уйду, и скоро буду на Земле. Пока, Амаранта.

Выдра повернулся к Осе спиной и пошел к выходу из дворика. Ну, не совсем спиной – скорее, почти спиной. Продемонстрировал Осе неагрессивность и доверие, но все же оставил небольшой угол бокового зрения, чтобы контролировать если не саму Осу, то хотя бы ее тень на стене.

Не зря он так разволновался. Он очень хотел верить, что Оса отпустит его. Но надежды на это было убийственно мало.

Он действительно не стал бы закладывать Осу. Он только хотел уйти и никогда больше не встречаться с ней.

Оса, само собой, так не считала. Похоже, в ее голове произошел основательный сдвиг. Уже во время своей заключительной речи Выдра читал в ее глазах, что она не верит ему. Она

хотела завершить эту историю по-своему – убить Выдру, как единственного свидетеля ее преступления.

Тень мелькнула по стене сбоку. Выдра молниеносно развернулся и встретил Осу ударом ноги. Не промазал, въехал ей в плечо, но и особого эффекта не добился, всего лишь выиграл секунду. Впрочем, и это было не мало. Рамблас Космикас – это вам не бильярдный клуб, копов на бульваре хоть отбавляй. Стоит Выдре добраться до улицы, и Оса может забыть о своих намерениях. Вопрос только один – как добраться? До калитки на улицу всего пять шагов, но успеет ли Выдра сделать их?

Не успел. Оса завизжала, прыгнула в воздух «вертолетом» и снесла несчастного Выдру на землю с первого же удара. Дралась она, пожалуй, даже лучше, чем во времена работы на Земле. И эффективно использовала малую силу тяжести – то, к чему Выдра еще не привык. Работала в основном поверху, ногами в голову.

Выдра упал удачно, успел сгруппироваться. Когда Оса с размаху приземлилась и оседлала его, он успел схватить ее за запястья обеими руками. Очень вовремя. Потому что в правой руке Осы был нож.

Несмотря на отчаянное положение, Выдра успел удивиться. Оса с ножом – это что-то новенькое. Оса никогда не любила холодное оружие и не умела с ним толком обращаться. Впрочем, могла и научиться за те годы, что он ее не видел. В самом деле, она уже должна была понять, что справиться с Выдрой в схватке без оружия – дело непростое. Куда проще напасть на него со спины и прирезать.

Все это промелькнуло в голове Выдры за полсекунды. А в следующую половину секунды он вдруг осознал, что Оса попалась. Он поймал ее и держит. А физически он в любом случае сильнее – все ж таки тренированный мужик, не баба какая-нибудь.

– Попалась, Оса? – просипел Выдра, напрягая руки и отводя в сторону острый кончик ножа, мелькающий у самого носа. – Ну что с тобой делать, что? Почему ты не веришь нормальным людям?

– Ты ненормальный, – Оса боролась изо всех сил, напрягала мышцы, пытаясь достать Выдру ножом. – Все лесорубы ненормальные. Ты не выйдешь отсюда, даже не надейся...

Она уперлась ногами в землю, резко выпрямилась – задом вверх, вниз головой, и въехала коленом в многострадальное солнечное сплетение Выдры, усилив удар собственным весом. А потом приподнялась и повторила экзекуцию.

Томас охнул от боли, чуть расслабил пальцы – не выпустил Осу, но все же позволил ножу остро чиркнуть по щеке. Он пытался сопротивляться, ударил Осу по спине коленом, но хорошего удара не получилось. В кишках его тек жидкий огонь, ноги едва слушались, воздух стал вязким и колючим.

– Ты слабак, Выдра. – Оса довольно оскалилась. – Ты хорош только тогда, когда у тебя в руке пушка. Но сейчас у тебя ее нет, кажется? Поэтому я отправлю тебя к ачачилас – ты ведь печешься о них всем сердцем, да? Передай им привет, и скажи, что я принесла тебя им в жертву. Пусть они грызут тебя там, на небе. Счастливого пути, мудак...

А дальше все произошло в одно движение – Выдра не успел и глазом моргнуть. Оса усилила нажим, преодолела защиту Выдры, и нож пошел Выдре в шею. Выдра рефлекторно дернулся назад и в сторону, уперся в землю ногой, перевалился на левый бок, скинув Осу наземь, и вцепился в правую руку Осы обеими руками. Нож продолжил движение, его уже нельзя было остановить, Выдра лишь помог ему, усилив мышечный импульс Осы и придав правильное направление. Нож прошел в миллиметре от кожи Выдры, совершил дугу и воткнулся в грудную клетку Осы – точно в сердце. Амаранта Гуарачи охнула, дернулась в последний раз и умерла.

Вот он – навык, доведенный до автоматизма годами тренировок. Оса попалась на самом простом уходе от ножа. А Выдра влетел не менее крепко – он лежал рядом с только что уби-

той им женщиной в самом центре Эль-Параисо, на планете, где не действовал закон о защите бывших элиминаторов. Из груди женщины торчал нож, всаженный по самую рукоятку, а по пестрой цыганской блузке расплывалось багровое пятно крови.

– Боже, – прошептал Томас. – Боже милостивый, прости меня грешного. Ты знаешь, что я не хотел, боже...

Он вскочил на ноги, отпрыгнул назад – не приведи господь запачкаться в крови Осы, оставить на одежде улики. Мысли скакали в голове в лихорадочной спешке. Выдернуть нож, стереть отпечатки с рукоятки? Ни к чему это – Выдра не дотронулся до ножа, нож держала Оса, там только ее пальчики. Все выглядит так, словно она сама зарезала себя, совершила самоубийство, и к тому есть все основания – бывший лесоруб, неустойчивая психика, многократно ушибленная голова. Главное – немедленно унести отсюда ноги. Выскочить на Рамблас... Нет, не выскочить – выйти медленно и аккуратно, не привлекая внимания. Выдра умеет это – не привлекать внимания.

Он нагнулся, поднял с земли брошенную Осой розовую маску и нацепил ее на свою перекошенную бледную физиономию. Отлично. Его никто не узнает, не запомнит, он успеет...

Опять не успел. Ачачилас в этот день явно не благоволили к Выдре. Они обиделись на него и оставили без своей помощи.

Едва Выдра подскочил к калитке, как та распахнулась, и в грудь его уперлись одновременно два полицейских шокера.

– Стоять! – рывкнул один из копов. – Руки за голову! Не вздумай дергаться, завалю!

Выдра вздернул руки и увидел, что два полисмена в синих костюмах являются неграми двухметрового роста – как и положено ганимедским копам, – и что там, на бульваре, стоит патрульная машина, приехала по его душу. А дальше его схватили за шиворот, проволокли до стены, уперли лбом в шершавый холодный камень, заставили раздвинуть ноги и немедленно начали охлопывать по бокам, проверяя на наличие оружия.

Оружия у Выдры не имелось, но этого было ничуть не легче.

– За что вы меня? – вякнул он как можно более жалобным голосом. – Я ничего не делал, господа полицейские...

– Не делал? – коповский бас прогремел у самого уха. – Ты вломился на частную территорию. Ты что, читать не умеешь, недоумок? Там на воротах написано «Privado»¹³ – на это ты внимания не обратил? Хозяин сада позвонил и сообщил о тебе...

– Симон, да тут труп лежит! – в голосе второго копа, донесшемся из глубины сада, прозвучали одновременно священный ужас и ликование. – Он тут бабу замочил, ножом прямо в сердце! Ни хрена себе денечек сегодня – третье убийство за смену, и в третий раз бабу пырнули. Все как с катушек съехали!

Полицейский, опекавший Выдру, отреагировал немедленно – схватил его за запястья, завел их за спину, одним движением защелкнул наручники и упер в поясницу Выдры ствол шокера.

Все, дальше можно было не дергаться.

– Я ее не убивал, – сказал Выдра. – Она сама себя. Это самоубийство.

– Во-во, и те двое так же говорили, – флегматично заметил коп. – Все в кровище, а все на девчонок валили – мол, зачем-то напились, для чего-то укололись драгом, а потом почему-то взяли и зарезались. Ты откуда такой заморыш? С Земли, небось?

– Да.

– Имя, фамилия!

– Выдра.

– Не понял. Отвечай четче.

¹³ Частная собственность (исп.).

– Выдра! – звонко крикнул Выдра. И тут же получил палкой по затылку.

– Я тебе, недоумок, ясным языком сказал, – пояснил полицейский, – скажи мне имя и фамилию, недоумок. Скажи твои имя и фамилию, недоумок с Земли. А клички свои говори своим друзьям-наркоманам, недоумок.

– Томас Уанапаку, – грустно сообщил Выдра. – Но в паспорте записано именно Выдра. Потому что я индеец, и имею право оформить паспорт на свое индейское имя. Согласно указу правительства Боливии от...

– Все, поехали! – Мощная лапа копа легла на шею, сжала ее могучими пальцами и толкнула Выдру в сторону ворот. – В управлении разберемся, кто ты такой, и зачем девок среди бела дня режешь.

Глава 6

Трудно поверить, но Выдра за всю свою жизнь ни разу не был в полицейском участке, не было такой необходимости. Его, слава богу, ни разу не арестовывали, а прямых контактов с полицией он избегал, как и все лесорубы. Функции полиции и Службы элиминации были четко разделены, но вот элиминаторы были службой секретной, а полиция – нет. Поэтому лесорубы считали себя элитой, высшей инстанцией по сравнению с обычными служаками-копами, грубыми и туповатыми. Люди, работающие в полиции, само собой, придерживались диаметрально противоположного мнения. Поэтому копы и элиминаторы всегда немножко, чуть-чуть, в рамках приличия недолюбливали друг друга.

И все же, окажись Выдра в подобной ситуации на Земле, он бы своевременно и быстро известил тех, кого следует, о том, что является бывшим элиминатором. Само собой, он не стал бы говорить об этом оперативникам, арестовавшим его, но в участке немедленно назвал бы определенный код, и ему дали бы позвонить по нужному телефону, и уже через полчаса он сидел бы в Службе, и рассказывал правду об истории с Амарантой Гуарачи, и ему бы поверили... Сплошные «бы». Здесь, на Ганимеде, все было не так. Выдра знал, что вне Земли все не так, все не по-человечески, но никак не мог предполагать, что вляпается так безнадежно, по самую макушку. На Ганимеде не было Службы элиминации. Более того – земных элиминаторов здесь откровенно ненавидели. Сказать здесь, что он – бывший элиминатор, автоматически означало подписать себе самый жестокий приговор.

Может быть, то, что происходит с Выдрой, и есть проявление злосчастной судьбы бывшего лесоруба? Наказание божье за сотни убитых им, пусть и во имя закона, людей?

Что ему было делать сейчас, что?

– Я ее не убивал, – повторил он в очередной раз. – Я же говорю, мы стояли с ней, разговаривали, а она вдруг достала этот кинжал и собралась себя резать. Ну, само собой, я попытался ей помешать, только как ей помешаешь – она же сильная до осатанения, она каратистка и все такое. Я не успел вырвать у нее нож, она воткнула его себе в сердце...

Допрос шел уже второй час, и Выдра разговаривал уже с третьим по счету копом, в третий раз рассказывал ему одно и то же, а тот даже ничего не записывал – только угрюмо разглядывал Выдру и ковырял спичкой в зубах. Этот полицейский был помельче своих дюжих собратьев, к тому же белый, но никакой симпатии у Выдры все равно не вызывал – сизый его нос и одутловатые желтые щеки говорили о нездоровом образе жизни и пристрастии к бытовым порокам, а маленькие тусклые глазки никоим образом не свидетельствовали о наличии интеллекта.

– Почему вы ничего не записываете? – спросил Выдра, потеряв в конце концов терпение. – Почему не ведете протокол?

– А все уже написано, – лениво отозвался дознаватель. – Протоколы написаны и оформлены, и все из них ясно: то, что вы, гражданин Боливии Томас Уанапаку, сегодня поссорились с гражданкой Ганимеда Амарантой Гуарачи, после чего жестоко избили ее, лишив возможности сопротивляться, а затем совершили убийство посредством холодного оружия. Что рассказано вами во всех подробностях и подписано вами же в соответствии к требованию к протоколам. Похвально, Уанапаку, что вы так быстро и добровольно во всем сознались, и к вам не пришлось применять меры дополнительного воздействия – дубинку, электрический ток и так далее...

Кровь отлила от лица Выдры, он почувствовал дурноту и головокружение. Вот, значит, как это все бывает в тех местах, на которые не распространяется элиминация и любой паршивый коп думает, что может делать все, что придет в его дурную башку.

– Я ничего такого не говорил и не подписывал, – тихо произнес Выдра. – Я прошу вас показать мне протоколы. И если там изменено хоть одно слово показаний, то обещаю вам огромные неприятности.

– Все там в протоколе написано правильно – так, как нам нужно, – усмехнулся инспектор. – И подпись ваша. Ну, пусть не вы сами ее поставили, кому до этого дело? Три года рудников вам обеспечены. И не думайте, что три года – небольшой срок. Вряд ли вы проживете на урановых рудниках больше полутора лет – освободитесь досрочно по причине собственной смерти. Они очень вредные, эти рудники. Конечно, кое-какая противорадиационная защита там есть, но уже через шесть месяцев все заключенные покрываются там вот такими язвами, – инспектор нарисовал пальцем на столе окружность сантиметров в пять, – начинают кашлять, харкать слизью и мочиться кровью. Это называется лучевой болезнью. Заключенные там еле ползают, волочат ноги как зомби. Тем не менее их заставляют работать – нечего с ними церемониться, ведь на урановые рудники попадают только самые закоренелые преступники, гнусные и жестокие убийцы – вроде вас, Уанапаку. Это своего рода эквивалент вашей земной элиминации – только куда более дешевый и естественный, не чета выпендражному и как-бы-секретному убиванию людей спецслужбой. Чтобы выжить, общество должно избавляться от подонков, господин Уанапаку. Разве вы сами так не считаете?

– Я не подонок и не убийца, – заявил Выдра. – Я невиновен, и суд подтвердит мою правоту. Имейте в виду, я достаточно подкован в юрисдикции, и без труда докажу, что ваши бумажки – лживые.

– Лживые? – дознаватель поднял брови в притворном удивлении. – Уж кому-кому, а не вам обвинять нас в лжи, Уанапаку. Вы и сами – записной враль. Вы профессиональный лгун, только нас вам не провести. Мы тут, знаете ли, тоже не дураки, на общении с преступными элементами не одну собаку съели.

– И что же я вам соврал? – холодно поинтересовался Томас.

– Да практически все. Например, то, что ваша профессия – тренер по спортивной стрельбе. Не желаете ли сообщить, кто вы такой на самом деле?

– Вы читали информацию с моей карты, там ясно указано, что я тренер. Так оно и есть. Вы можете связаться с базой данных ТГУ и проверить это. Можете связаться с Землей, с Боливией. Уверяю вас, вы получите ту же самую информацию...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.